

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт экономики и управления

Кафедра «Экономическая теория и
международные отношения»

Направление подготовки

41.03.05 «Международные отношения»

Профиль

Мировая политика и международный
бизнес

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

Роль «мягкой силы» во внешней политике США

Студент

Забродский
Владислав
Евгеньевич

подпись, дата

Руководитель

Чернецова Н. С.

подпись, дата

Нормоконтролер

Влазнева С. А.

подпись, дата

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ №_____)

Заведующий кафедрой

Рожкова Л. В.

подпись, дата

Работа защищена с отметкой _____ (протокол ГЭК от _____ №_____)

Секретарь ГЭК

Рассказова Н. В.

подпись, дата

Пенза 2022

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра «Экономическая теория и международные отношения»
Направление подготовки 41.03.05 «Международные отношения», профиль
Мировая политика и международный бизнес

«УТВЕРЖДАЮ»:
Зав. кафедрой
д.с.н., доцент Рожкова Л.В.

«_____» _____ 20__ г.

ЗАДАНИЕ
НА БАКАЛАВРСКУЮ РАБОТУ

студенту Забродскому В. Е., группа 18ЭА1, обучение очное

1 Тема бакалаврской работы: Роль «мягкой силы» во внешней политике США
утверждена приказом по университету

от «___» _____ 20__ г . № _____

2 Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 14.06.2022.

3 Исходные данные к бакалаврской работе: нормативно-правовая база, научная и справочная литература, данные сети Интернет.

4 Перечень подлежащих разработке вопросов: сущность, цели, формы, технологии и эффективность мягкой силы; основные мероприятия и механизмы «мягкой силы» США на Ближнем Востоке; сильные и слабые стороны политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке.

5 Перечень графического материала: таблицы, рисунки.

6 Дата выдачи задания: 30.12.2021.

График подготовки бакалаврской работы

№ п/п	Содержание работы	Срок выполнения	Дата выполнения, подпись руководителя
1	Составление плана ВКР	30.12.2021 – 10.01.2022	
2	Изучение исходных данных к бакалаврской работе	11.01.2022 – 23.01.2022	
3	Написание Главы 1	24.01.2022 – 20.02.2022	
4	Написание Главы 2	21.02.2022 – 27.03.2022	
5	Написание Главы 3	28.03.2022 – 1.05.2022	
6	Написание введения и заключения	2.05.2022 – 15.05.2022	
7	Оформление ВКР	16.05.2022 – 29.05.2022	
8	Сдача ВКР нормоконтролю, проверка в системе «антиплагиат.вуз»	30.05.2022 – 12.06.2022	
9	Ознакомление с отзывом руководителя	13.06.2022	
10	Представление законченной бакалаврской работы, передача в ГЭК	14.06.2022	

Руководитель _____ / Н. С. Чернецова /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Задание принял к исполнению студент _____ / В. Е. Забродский /
(подпись) (инициалы, фамилия)

Реферат

Бакалаврская работа 64 с., 3 ч., 7 рис., 9 табл., 45 источников.

МЯГКАЯ СИЛА, США, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТБИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО, ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Объект исследования – внешнеполитический курс США.

Цель работы состоит в выявлении особенностей и роли мягкой силы во внешней политике США в условиях современной международной системы.

Методологическую основу работы составили структурно-функциональный подход, историко-описательный и сравнительно-политологический методы.

Результаты работы: изучена сущность, цели, формы, технологии и эффективность мягкой силы, проанализирована специфика мягкой силы США и перспективы развития американской публичной дипломатии, рассмотрены основные мероприятия и механизмы «мягкой силы» США на Ближнем Востоке, выявлены сильные и слабые стороны политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке, изучены институты и механизмы и этапы внедрения «мягкой силы» США в Россию, проанализирована специфика инструментария и результативность воздействия «мягкой силы» США на Россию в 2015–2022 гг.

Рекомендации по внедрению. Анализ факторов, раскрывающих специфику внешнеполитического курса США и, в частности, особенностей применения актором инструментов мягкой силы имеет высокую степень прикладной значимости в контексте стратегического планирования и прогнозирования глобальной политики.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном анализе теоретических основ феномена мягкой силы.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования. Перспективы дальнейшей эволюции специфики межакторных отношений подразумевают собой прогресс и более широкую актуализацию инструментов мягкой силы в мировой политике.

Summary

Bachelor's thesis 64 pages, 3 ch., 7 figures, 9 tables, 45 sources.

SOFT POWER, USA, FOREIGN POLICY, POST-BIPOLAR SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL LEADERSHIP, LIBERAL-DEMOCRATIC MODEL, ECONOMIC DEVELOPMENT, PUBLIC DIPLOMACY

The object of the study is the foreign policy of the United States.

The purpose of the work is to identify the features and role of soft power in US foreign policy in the context of the modern international system.

The methodological basis of the work was the structural-functional approach, historical-descriptive and comparative-political methods.

Results of the work: the essence, goals, forms, technologies and effectiveness of soft power are studied, the specifics of the US soft power and the prospects for the development of American public diplomacy are analyzed, the main activities and mechanisms of the US «soft power» in the Middle East are considered, the strengths and weaknesses of the «soft power» policy are identified of the United States in the Middle East, the institutions and mechanisms and stages of the introduction of «soft power» of the United States in Russia are studied, the specifics of the toolkit and the effectiveness of the impact of «soft power» of the United States on Russia in 2015–2022 are analyzed.

Recommendations for implementation. An analysis of the factors that reveal the specifics of the US foreign policy and, in particular, the features of the use of soft power tools by the actor has a high degree of applied significance in the context of strategic planning and global policy forecasting.

The theoretical significance of the work lies in a comprehensive analysis of the theoretical foundations of the phenomenon of soft power.

Forecast assumptions about the development of the object of study. The prospects for further evolution of the specifics of inter-actor relations imply progress and a wider updating of soft power tools in world politics.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Феномен «мягкой силы» и его проявления во внешней политике США.....	5
1.1 «Мягкая сила»: сущность, цели, формы, технологии, эффективность.....	5
1.2 Специфика «мягкой силы» США и перспективы развития американской публичной дипломатии.....	11
Глава 2 Воздействие «мягкой» силы США в странах Ближнего Востока.....	22
2.1 Этапы проникновения и инструменты «мягкой силы» США на Ближнем Востоке.....	22
2.2 Слабые стороны политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке.....	30
Глава 3 «Мягкая сила» как инструмент влияния на Россию в период с 1950–2022 гг.....	40
3.1 Институты, механизмы и этапы внедрения «мягкой силы» США в Россию.....	40
3.2 Специфика инструментария и результативность воздействия «мягкой силы» США на Россию в 2015–2022 гг.....	47
Заключение.....	53
Список использованных источников.....	56

Введение

На современном этапе развития международных отношений, который характеризуется переходным характером и, соответственно, качественной трансформацией основных системных процессов, происходит коренное изменение специфики межакторного противостояния, обусловленное снижением актуальности милитаристских механизмов конфронтации и выходом на первый план такого инструмента, как мягкая сила (*soft power*). Данный механизм, впервые описанный и теоретически сформулированный американским политологом Дж. Наем, представляет собой совокупность ресурсов актора в социокультурной, экономической и репрезентативно политической сфере, применяемых для осуществления основополагающих интересов международного игрока.

Изначально, теоретическое обоснование и концептуальное развитие данного феномена осуществлялось на основе внешнеполитической деятельности США, как единственной державы, претендовавшей на роль основного гегемона потенциальной однополярности, прогнозируемой в конце XX в. На протяжении большей части истории данное государство представляло собой наиболее эффективную систему политико-экономического развития, основанного на либерально-демократической модели, главные ценности которой составили базу «мягкой силы». Эффективность данных ценностных ресурсов, во многом, была оправдана победой США в Холодной войне и последующим крушением социалистического блока, являвшегося основной конфронтационной силой.

На сегодняшний день, учитывая специфику конфликтного инструментария, используемого акторами, «мягкая сила» представляет собой основополагающий элемент внешнеполитического курса любого субъекта международных отношений. Статусно-имджевые механизмы приобретают роль наиболее широко используемых инструментов, а США, несмотря на несостоятельность вектора «мягкой» гегемонии путем глобальной демократизации и американизации в начале XXI в., остается ведущим государством в контексте эффективности формирования и последующего

использования «мягкого» потенциала, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Необходимо подчеркнуть, что проблема феномена «мягкой силы» и его проявления во внешней политике США характеризуется высокой степенью разработанности. Данная тема отражена во многих как международных, так и национальных исследованиях. В частности, изучением анализируемой проблематики занимались такие ученые, как: Дж. Най, А. Кодевилл, В. Е. Цыганов, Б. Т. Эдвардс.

Объектом работы является внешнеполитический курс США.

Предметом исследования – «мягкая сила» в рамках внешнеполитической деятельности США.

Цель работы – выявление особенностей и роли мягкой силы во внешней политике США в условиях современной международной системы.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- изучить сущность, цели, формы, технологии и эффективность мягкой силы;
- проанализировать специфику мягкой силы США и перспективы развития американской публичной дипломатии;
- рассмотреть основные мероприятия и механизмы «мягкой силы» США на Ближнем Востоке;
- выявить сильные и слабые стороны политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке;
- изучить институты и механизмы и этапы внедрения, «мягкой силы» США в Россию;
- проанализировать специфику инструментария и результативность воздействия «мягкой силы» США на Россию в 2015–2022 гг.

В ходе работы были использованы такие методы, как: системный и структурно-функциональный анализ, нормативно-ценностный подход, синтез, классификация, единство исторического и логического, а также описание.

Структура работы: введение, три главы, заключение, список использованных источников.

Глава 1 Феномен «мягкой силы» и его проявление во внешней политике США

1.1 «Мягкая сила»: сущность, цели, формы, технологии, эффективность

Внешняя политика любого государства представляет собой сложный и многогранный механизм, нацеленный на достижение поставленных перед собой целей. Инструменты внешней политики США вызывают огромный интерес из-за своей эффективности и их способности оказывать влияние на большую часть мира.

Как и многие основные идеи в социальной науке, власть представляет собой довольно спорную концепцию. Некоторые определяют власть как способность вносить изменения или сопротивляться им. Другие же считают, что это возможность получать то, что хочет конкретный индивид, либо группа индивидов. Это широкое определение включает в себя власть как над природой, так и над другими людьми.

Касаясь внешней политики следует начать с простого словарного определения, согласно которому власть – это способность производить некие действия, но более конкретно, в социальных ситуациях – способность влиять на других, чтобы добиться желаемых результатов. Есть много факторов, которые влияют на нашу способность получать то, что мы хотим, и они варьируются в зависимости от контекста отношений.

«Мягкая сила» – это способность добиваться предпочтительных результатов путем привлечения определенных государственных субъектов, либо их отдельных элементов, а не их принуждения или создания для них финансовой выгоды. Другими словами, мягкая сила предполагает формирование предпочтений у других посредством собственной привлекательности. Определяющей чертой мягкой силы является то, что она не носит принудительного характера; валюта мягкой силы включает культуру, политические ценности и внешнюю политику. В 2012 г. Дж. Най из Гарвардского университета объяснил, что с мягкой силой, «лучшая

пропаганда не пропаганда», далее пояснив, что в информационную эпоху, «доверие является самым дефицитным ресурсом» [31].

Первоначальное понимание мягкой силы разрабатывалось Дж. Найем как академической концепции, а не политической. В первую очередь он рассматривал мягкую силу в контексте социального взаимодействия индивидов между собой, о чем он писал в своей работе «Мягкая сила: эволюция концепции» [33, с. 4].

Дж. Най занимал пост декана Школы управления Кеннеди в Гарварде, председателя Национального совета по разведке и помощника министра обороны в администрации президента Билла Клинтона. Он много писал и читал лекции об идее и использовании мягкой силы.

Дж. Най популяризировал этот термин в своей книге, вышедшей в 1990 г. «Обреченный на лидерство: Меняющаяся природа американской власти». В этой книге он писал: «Когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, чего она хочет, это можно назвать кооперативной или мягкой силой в отличие от жесткой или командной силы, приказывающей другим делать то, что она хочет». Далее он развил эту концепцию в своей книге 2004 г. «Мягкая сила: путь к успеху в мировой политике» [34, с. 79].

Как считает сам Дж. Най, мягкой силой могут пользоваться не только государства, но и другие акторы международной политики, такие как НПО или международные институты. Это также считается «вторым лицом власти», которое косвенно позволяет получать желаемые результаты. Мягкая сила страны, по словам Дж. Найя, основывается на трех ресурсах: «ее культуре (в тех местах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она соответствует им дома и за рубежом) и ее внешней политике (когда другие считают их законными и имеющими моральный авторитет)» [36, с. 92].

Изначально этот термин не часто использовался американскими политическими лидерами, так как американская политическая культура и риторика отдают предпочтение жесткости, а не мягкости. По иронии судьбы, одной из американских групп, которая начала использовать эту концепцию, были военные. Например, в 2002 г., когда один генерал спросил министра обороны, что он думает о мягкой силе, тот ответил, что он не понимает, что означает мягкая сила. Такое отношение было очевидно среди политических лидеров задолго до драматических

событий в сфере безопасности, последовавших за террористическими атаками 11.09.2001, но в этой атмосфере страха было трудно говорить о мягкой силе, хотя привлечение умеренных сторонников к ответу на призывы радикалов стало ключевым компонентом контртеррористической стратегии армии, США, а в 2007 г. военно-морской флот объявил мягкую силу важной частью стратегии [19, с. 25].

По словам самого Дж. Найя, в этой обстановке и с учетом того, что вторжение в Ирак оказалось катастрофическим для США, он чувствовал, что должен был использовать свою роль «публичного интеллектуала», чтобы более подробно разъяснить значение мягкой силы для политического сообщества. Некоторые политические журналы неправильно описывали мягкую силу как «нетрадиционные силы, такие как культурные и коммерческие товары», и отвергали ее на том основании, что «она просто мягкая» [32].

Одна конгрессвумен США также заявила Дж. Найю в частном порядке, что она согласна с этой концепцией, но что ее невозможно использовать для обращения к политической аудитории, которая хочет услышать «жесткие разговоры» [36, с. 108].

В книге «Обреченный на лидерство: Меняющаяся природа американской власти» Дж. Най писал: «Страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны – восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости – хотят следовать за ней. В этом смысле также важно определять повестку дня и привлекать других к участию в мировой политике, а не только заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Эта мягкая сила – заставить других хотеть желаемых вами результатов – скорее кооптирует людей, чем принуждает их» [32].

Ресурсы мягкой силы – это активы, которые создают привлекательность, что часто приводит к молчаливому согласию. Ни утверждает, что «Соблазнение всегда более эффективно, чем принуждение, и многие ценности, такие как демократия, права человека, индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны» [35, с. 58].

А. Кодевилла заметил, что часто упускаемый из виду важный аспект мягкой силы заключается в том, что разные части населения притягиваются или

отталкиваются разными вещами, идеями, образами или перспективами. Мягкой силе препятствуют, когда политика, культура или ценности отталкивают других, а не привлекают их [11, с. 209].

В одной из своих книг Дж. Най также утверждает, что мягкая сила является более сложным инструментом для правительств, чем жесткая сила, по двум причинам: многие из ее важнейших ресурсов находятся вне контроля правительств, а мягкая сила имеет тенденцию «работать косвенно, формируя среду для политики, и иногда требуются годы, чтобы добиться желаемого результата» [32].

В книге «Будущее власти» (2011) Дж. Най повторяет свою идею о том, что мягкая сила – это скорее описательная, чем нормативная концепция. Таким образом, мягкая сила может использоваться в гнусных целях. «Гитлер, Сталин и Мао – все они обладали большой мягкой силой в глазах своих приспешников, но это не делало их хорошими. Не обязательно лучше искажать умы, чем искажать руки». Дж. Най также утверждает, что мягкая сила не противоречит теории реализма международных отношений: «Мягкая сила – это не форма идеализма или либерализма. Это просто форма власти, один из способов получения желаемых результатов» [35, с. 71].

Обращаясь к истории, стоит вспомнить, что США конкурировали с СССР за влияние на мировой политической арене на протяжении всей холодной войны. Советский союз был вовлечен в широкую кампанию, чтобы убедить мир в привлекательности своей коммунистической системы. В 1945 г. Советский Союз был очень эффективен в привлечении многих людей в Европе из-за своего успешного сопротивления Гитлеру, и победы над фашизмом. СССР также использовал довольно обширную программу публичной дипломатии, которая включала в себя: продвижение своей высокой культуры, вещание, распространение информации о Западе и спонсирование ядерных протестов, движений за мир и молодежных организаций. Несмотря на все это, закрытая система Советского Союза и отсутствие массовой культуры препятствовали способности Советского Союза конкурировать с США с точки зрения мягкой силы [11, с. 263]. Также ряд недемократических правительств пытались использовать миграцию в качестве

инструмента мягкой силы: Египет при правлении Гамалы А. Насера обучил и направил тысячи учителей по всему арабскому миру в попытке распространить идеи антиколониализма и антисионизма [31]. На Кубе, программа медицинского интернационализма режима Фиделя Кастро направила тысячи медицинских работников за границу в целях культурной дипломатии. Спонсируемые Китаем Институты Конфуция по всему миру полагаются на китайских преподавателей, чтобы укрепить мягкую силу страны за рубежом, в частности в Африканских странах. Совсем недавно миграционная дипломатия Турции включала спонсирование краткосрочной эмиграции имамов по всей Европе и Северной Америке [1, с. 90].

Соединенные Штаты и Европа неизменно были источниками влияния и мягкой силы. Искусство, литература, музыка, дизайн, мода и даже еда европейской культуры в течение некоторого времени были глобальными магнитами. Европа и США часто заявляли, что поддерживают права человека и международное право во всем мире. В 2012 г. Европейский союз был удостоен Нобелевской премии мира за то, что он более чем шесть десятилетий способствовал продвижению мира и примирения, демократии и прав человека в Европе.

В 2022 г. США имеет вторую по величине дипломатическую сеть в мире, наибольшее количество иностранных журналистов, а также страна является самым популярным местом для обучения иностранных студентов. Американские фильмы, телевидение, музыка, реклама, мода, еда, экономические модели, политическая культура и литература внесли свой вклад в американизацию других культур [4, с. 129]. Азия, а в последнее время, а также Китай, работают над использованием потенциальных активов мягкой силы, которые присутствуют в восхищении их древней культурой, искусством, модой и кухней. Китай позиционирует себя как защитника национального суверенитета, что стало проблемой после воздушной кампании НАТО по свержению полковника М. Каддафи и поддержки НАТО повстанцев в Ливии. Китайцы также конкурируют с Соединенными Штатами за завоевание влияния во всей южной части Тихого океана, однако некоторые комментаторы заявили, что их напористость в этом регионе создала призыв

к странам этого региона присоединиться к Соединенным Штатам, тем самым усиливая мягкую силу США в этой области [10, с. 118].

Мягкая сила распространяется не только на деятельность правительства, но и на деятельность частного сектора, а также на общество и культуру в целом. Мягкая сила приобрела большее влияние, потому что она затрагивает глубинные склонности людей, которые становятся все более активными в своих правительствах. Это происходит даже в авторитарных странах, где люди и институты все чаще могут влиять на ход дебатов [3, с. 83].

Информационная эпоха в свою очередь также привела к росту ресурсов мягкой силы для негосударственных субъектов, прежде всего, за счет использования глобальных средств массовой информации и в большей степени Интернета. Используя такие инструменты, как Интернет и социальные сети, негосударственные субъекты смогли увеличить свою мягкую силу и оказать давление на правительства, которые в конечном итоге могут повлиять на результаты политики. Вместо подставных организаций негосударственные субъекты могут создавать организации по защите кибербезопасности для вербовки членов и распространения своего голоса на мировой арене.

Таким образом, на настоящий момент феномен «мягкой силы» представляет собой комплексное явление, вышедшее за рамки своего первоначального понимания, распространившись по всему миру в тех или иных формах. Очевидно, что мягкая сила – это противоположность «жесткой силе». Жесткая власть включает в себя более заметную и предсказуемую власть, связанную с военной силой, принуждением и запугиванием.

Однако наиболее важным является вопрос того, где находится грань между «жесткой» и «мягкой» силой, а также при помощи каких инструментов каждая из них реализуется. В таблице 1 представлены различия между «мягкой» и «жесткой» силами.

Таблица 1 – Признаки и инструменты «жесткой» и «мягкой» силы [7]

Виды силы	Признаки	Инструменты
«Жесткая» сила	Абсолютна, легко измеряется, внешняя по характеру воздействия, воздействие прямое, кратковременное, эффект немедленный.	Военная и экономическая сила, насилие и принуждение, физическое ограничение, подкуп.
«Мягкая» сила	Относительна, зависит от контекста, неощутима, трудно поддается измерению, множественные источники, воздействие не прямое, долговременное, эффект отсроченный.	Институты, ценности, культура, политика. привлечение, внимание, не прямое изменение предпочтений людей, привлекая их.

Исходя из этого, становится более понятно, что инструментарий двух «сил» отличается друг от друга, как по формам, так и по скорости и широте воздействия. Однако стоит отметить и то, что в современной политике заметно постепенное перемешивание двух подходов.

Одна из главных целей внешней политики состоит в том, чтобы заставить другие страны принять политические цели как свои собственные. Программы мягкой силы часто могут повлиять на это без затрат – в людских ресурсах, оборудовании и боеприпасах – и враждебности, которую может вызвать военная мощь.

1.2 Специфика «мягкой силы» США и перспективы развития американской публичной дипломатии

Исторически сложилось так, что Соединенные Штаты были хороши в использовании мягкой силы, которая основана на культуре, политических идеалах и политике. Многие ценности США, такие как демократия, права человека и индивидуальные возможности, оказались чрезвычайно привлекательными, когда они были подкреплены разумной внешней политикой.

Мягкая сила США, как уже отмечалось, представляет собой сложный и объемный комплекс, воздействующий на политики большинства стран и народов мира, имеющий несколько измерений, характеризующихся уникальным набором «мягких» инструментов воздействия.

В первую очередь, одним из подобных уровней рассматриваемого феномена является его непосредственное нормативное выражение, в рамках которого можно отметить ряд составных категорий, таких, как:

- внешнеполитические концепции, стратегии и доктрины;
- международные соглашения;
- программы и проекты эндогенного развития.

Особую роль в контексте внешнеполитического воздействия играют две первые категории, которые, преимущественно, иллюстрируют специфику и текущее состояние официального курса глобальной деятельности актора.

В рамках законодательной системы США данные направления отражены в ряде официальных правовых актов (таблица 2).

Таблица 2 – Основные элементы нормативного выражения мягкой силы США [3]

Акты, регламентирующие внешнеполитический курс	Международные конвенции и договоры
<ul style="list-style-type: none">– Конституция США;– Кодекс США;– Свод федеральных нормативных актов;– Внешнеполитическая доктрина	<ul style="list-style-type: none">– Сборник многосторонних договоров;– Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ)

Таким образом, специфика и основные инструменты мягкой силы США регламентированы в рамках широкого спектра нормативно-правовых актов как эндогенного, так и международного характера, что свидетельствует о важности данного внешнеполитического механизма и его универсализме относительно репрезентуемых аспектов государственной деятельности.

Помимо этого, в качестве еще одного измерения анализируемого феномена, характеризующегося четким институциональным оформлением, выступает

организационный аспект, который может быть проиллюстрирован в рамках трех основополагающих категорий, таких, как:

- степень развитости и эффективности эндогенной политико-экономической системы;
- внешняя политика актора;
- культура и репрезентуемые ценности [23].

Исходя из специфики актуальной постбиполярности и основных процессов данной системы, одним из аспектов которой выступает превалирование экономических факторов в контексте комплексного потенциала актора, динамизм хозяйственного развития, преимущественно репрезентуемый через институты национальных корпораций и программ поддержки, представляет собой основополагающий элемент анализируемого измерения.

В частности, обращаясь к институту международного бизнеса и экономики США в целом, стоит отметить ее ведущую роль в глобальном масштабе, которая выражена в высокой доле государства в рамках мировой торговли (рисунок 1).

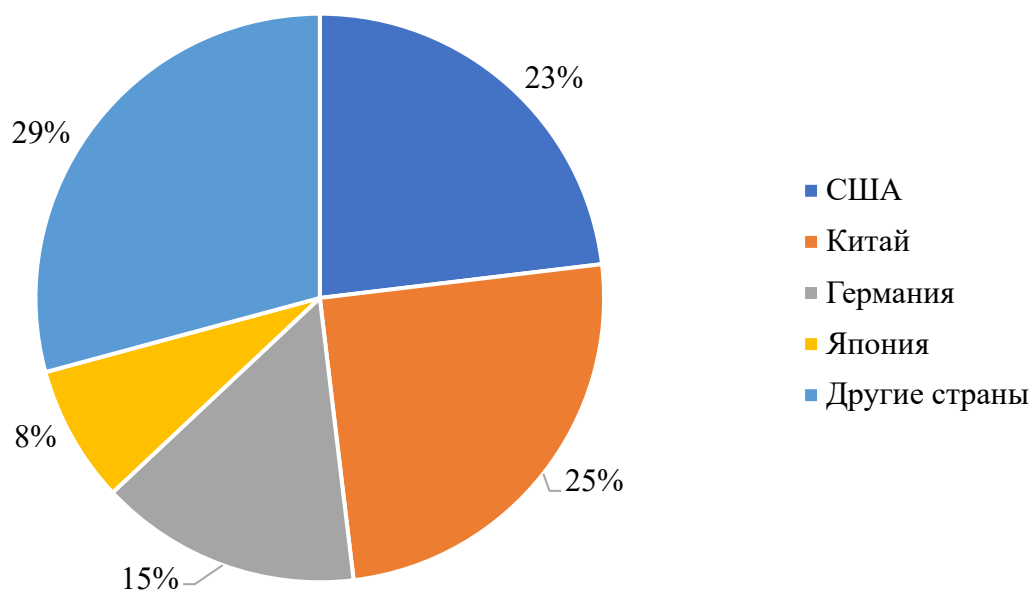

Рисунок 1 – Доли стран в мировой торговле, 2021 г. [45]

Так, несмотря на вызовы китайских хозяйственных структур, которые, на современном этапе, выступают в качестве основного идеологического противовеса, экономическая система США, на протяжении всей истории представлявшая собой

идеальную репрезентацию капитализма, сохраняет ведущие позиции в контексте мировой торговли по итогам 2021 г., несмотря на наличие широкого спектра существенных проблем с восстановлением эндогенной деловой активности в ходе и после пандемии *COVID-19*. Данный аспект иллюстрирует актуальность динамизма американского прогресса, преимущественно институционализированного в рамках международного бизнеса, как инструмента национальной мягкой силы.

Обращаясь к исторической ретроспективе развития анализируемого феномена, необходимо отметить, что самым ярким и наиболее известным примером мягкой силы США является «План Маршалла». После Второй мировой войны Соединенные Штаты «закачали» миллиарды долларов в разоренную войной Западную Европу, чтобы не допустить ее попадания под влияние коммунистического Советского Союза [29].

План Маршалла включал гуманитарную помощь, такую как продовольствие и медицинское обслуживание; консультации экспертов по восстановлению разрушенной инфраструктуры, такой как транспортные и коммуникационные сети и коммунальные услуги; и прямые денежные субсидии.

Образовательные программы обмена, такие как инициатива президента Б. Обамы с Китаем, насчитывающая 100 тыс. чел., также являются элементом мягкой силы, как и все виды программ помощи в случае стихийных бедствий, таких как борьба с наводнениями в Пакистане; ликвидация последствий землетрясений в Японии и на Гаити; ликвидация последствий цунами в Японии и Индии; и помощь голодающим на Африканском Роге из Африки [18, с. 30].

Как уже указывалось ранее, и как считает сам Дж. Най, что американский культурный экспорт, такой как фильмы, безалкогольные напитки и сети быстрого питания, являются собой элементами мягкой силы. В то время как они также включают решения многих частных американских компаний, политика США в области международной торговли и бизнеса позволяет осуществлять различные культурные обмены. Подобные обмены постоянно поражают многих иностранных свободой и открытостью американского бизнеса, и динамичностью коммуникаций.

Социальные сети и Интернет, которые отражают американскую свободу выражения мнений, также являются примерами мягкой силой. Администрации президентов США Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена жестко реагировали и реагируют на попытки некоторых стран обуздать Интернет под свои национальные и культурные нужды [17, с. 78].

Таким образом, можно выделить основные особенности «мягкой силы» США (таблица 3).

Таблица 3 – Специфика мягкой силы США [5]

Привлекательность культуры	Политические ценности (идеология)	Иностранная политика (дипломатия)
Популярная культура в литературе, искусстве, музыке, развлечениях, образовании. туризм и гостиничный бизнес, средства массовой информации, продукты местного производства и т.д.; проведение мероприятий, привлекающих средства массовой информации; глобальные спортивные соревнования; культовые университеты; религиозные предпочтения; образование и т.д.	Либерально-демократические идеалы: международная глобальная репутация, конституционализм; политическая добрая воля и международный статус политических лидеров; переходный процесс и история национальной борьбы; внутренняя политика; закрепленные в конституции ценности прав человека, равенства всех людей и т.д.	Иммиграция; мирная дипломатия (поддержание мира и миротворчество); экологические технологии; приток транснациональных корпораций; борьба с нищетой; двусторонние и многосторонние договоры; многосторонность, основанная на правилах; добрососедство; нормализация; предоставление общественных благ; постконфликтное восстановление; иностранная помощь; облегчение бремени задолженности; амнистия и т.д.

Стоит отметить, что до появления современных информационных технологий правительство США располагало гораздо большими средствами общения с иностранной аудиторией, чем сегодня. Вскоре после Второй мировой войны Госдепартамент не только поддерживал телеграфный контакт со всеми посольствами США за рубежом, но и использовал так называемый «беспроводной файл» для передачи полных текстов несекретных политических заявлений и комментариев правительства США в каждое посольство. Американские дипломаты

широко использовали эти материалы, предоставляя их редакторам и репортерам местных СМИ, а сотрудники посольства также переводили официальные документы на местные языки.

Местные СМИ находили эти материалы особо ценными, потому что они обычно появлялись раньше обычных новостных репортажей о политике США, а переводы экономили им время и силы. В то же время «Голос Америки» вещал каждый день на английском и иностранных языках, передавая политические заявления США, включая прямые трансляции официальных лиц, и комментарии, объясняющие точку зрения правительства США, а также точную информацию об американском обществе и культуре. Эти услуги были очень полезны для посольства, поскольку местные СМИ в противном случае получали краткие версии политических заявлений по телеграфу, которые часто искажались при прохождении через этот фильтр. Таким образом, у местных СМИ была более достоверная версия официальных заявлений США, а комментарии давали разъяснения политики США и помещали заявления в контекст, который был полезен Соединенным Штатам. Это увеличивало вероятность того, что редакторы и репортеры воспримут политические заявления США как позитивные [16, с. 9].

Сегодня, благодаря революции в области коммуникаций, редакторы и репортеры иностранных газет получают информацию о политических заявлениях США, как только они делаются, через Интернет, мобильные телефоны и другие цифровые технологии, которых не существовало всего нескольких десятилетий назад. Аналогично, события в Соединенных Штатах, которые так или иначе могут повлиять на восприятие Америки иностранцами, теперь описываются иностранной аудиторией гораздо быстрее, чем когда-либо прежде, различными частными средствами, не контролируемые правительством США. Зарубежная аудитория не нуждается в информации из посольства, как это было раньше. В результате они больше не видят полных текстов официальных политических заявлений США или отчетов об американских событиях. Обычно они не видят полных объяснений официальных лиц США о том, что значит эта политика, или объяснений событий в американском обществе. На самом деле, если средства доставки этих материалов

предвзяты или искажены, местные СМИ получают предвзятую или искаженную версию политики и общества США, и эта предвзятость часто имеет негативный оттенок. Таким образом, потенциальное положительное влияние мягкой силы политического заявления США может быть утрачено из-за того, что его предоставляет какой-то источник, отличный от правительства США [24].

Специалисты по публичной дипломатии в посольствах США за рубежом и в Государственном департаменте присоединились к международному диалогу XXI в. с помощью новых электронных устройств, чтобы оставаться конкурентоспособными в усилиях по охвату иностранной аудитории. Они создали веб-сайты, личные аккаунты в социальных сетях, и использовали различные видеосервисы и многие другие новые каналы коммуникации, чтобы донести аспекты позитивной мягкой силы до иностранной аудитории. Они используют бюллетень «Быстрого реагирования», созданный во время президентства Дж. У. Буша его заместителем государственного секретаря по общественной дипломатии и связям с общественностью Карен Хьюз, которая призвана помочь американским чиновникам конкурировать с частным сектором, предоставляя им источник надежной информации, которая доставляется очень быстро и в удобной форме. Этот бюллетень, который ежедневно рассылается в каждое посольство, представляет собой двух- или трехстраничный документ, в котором кратко излагаются комментарии иностранных государств по одному или двум наиболее актуальным вопросам дня, а также текущие официальные заявления США по ним. Американские дипломаты используют это удобное резюме ключевых моментов для своих дискуссий на местном уровне. Но именно они должны определить проблемные области в ходе местных дискуссий и эффективно использовать эти материалы [22].

Государственное вещание США также по-прежнему помогает дополнять усилия посольств по распространению информации об Америке за рубежом. Однако для арабского мира эффективность этого инструмента была снижена во время правления Дж. У. Буша, когда Конгресс принял закон, согласно которому «Голос Америки» и другие вещательные каналы подчинялись отдельному Совету управляющих вещанием (BBG), потому что «BBG» затем отменила арабскую службу

«Голоса Америки», которая была очень эффективным средством охвата аудитории в арабском мире. Вместо этого «BBG» создала «*Sawt al Arab radio*» и «*al Hurra Television*», оба на арабском языке, которые должны были быть полезными для арабской аудитории. Однако оба они плохо управлялись, и многие постоянные арабские слушатели правительственного вещания США были потеряны [38].

Поэтому сотрудники общественной дипломатии США используют новые инструменты социальных сетей, но при этом они также обнаружили, что активные усилия по непосредственному взаимодействию с ключевыми представителями местной аудитории остаются жизненно важной частью усилий по публичной дипломатии. В беседах один на один американские дипломаты общаются с ними, чтобы объяснить американскую внешнюю политику и общество. Поэтому мягкая сила может быть эффективно использована один на один. Таким образом, общественная дипломатия США справилась с вызовом новых средств массовой информации, используя их, но также продолжая использовать традиционные инструменты публичной дипломатии, такие как вещание и личные контакты, которые по-прежнему эффективны [23, с. 134].

Возвращаясь к современности, стоит отметить, что восстановление американской мягкой силы в 2022 г. далеко не гарантировано. Глобальный рейтинг одобрения руководства США в 2019 г. был на самом низком уровне среди всех предыдущих трех администраций, и теперь мировой лидер мягкой силы опустился на шестое место после бурных выборов 2020 г. и борьбы с *COVID-19*. Мягкая сила способствует восприятию Америки, и, согласно исследованию «*Pew Research*», 87 % взрослых американцев считают, что уважение к США за рубежом жизненно важно. Хотя «мягкую силу» не так легко измерить, как «жесткую силу», она жизненно важна для того, чтобы США могли для расширения и поддержания своего уровня влияния [37].

В то время как общество начинает ориентироваться в постпандемийном мире, США следует начать работать над усилением своего лидерства в области мягкой силы, чтобы избежать потери своих конкурентных преимуществ.

Для того чтобы США продолжали оставаться уважаемым мировым лидером, крайне важно, чтобы они участвовали в глобальных соглашениях, которые затрагивают все страны в международной системе. Предыдущий выход США из Парижского соглашения не был хорошо воспринят зарубежной общественностью, особенно после того, как США отозвали свои взносы в глобальный фонд для помощи небольшим и бедным странам, на которых изменение климата ложится непропорционально тяжелым бременем. Помимо Парижского соглашения, отказ США присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству помешал стратегическому преимуществу страны таким образом, что Китай смог извлечь из этого выгоду.

Незаинтересованность администрации Д. Трампа в глобальных соглашениях запятнала имидж США. Согласно опросу «*Gallup*», проведенному в 2021 г., 52 % американских респондентов были либо несколько недовольны, либо очень недовольны той ролью, которую США играют в мировых делах. Некоторые наблюдатели, особенно те, кто критикует администрацию Трампа, утверждают, что концепция «Америка прежде всего» негативно изменила роль Америки в мире. Демонстрация большей поддержки глобальных соглашений путем не только присоединения к ним и сохранения их, но и поддержки их создания может улучшить способность США использовать влияние через лидерство с использованием мягкой силы [37].

Поскольку все больше и больше стран начинают стремиться к достижению амбициозных целей в области изменения климата, крайне важно, чтобы США играли более активную руководящую роль. В отчете Брукингса подчеркивается, что «четыре года отсутствия США в глобальном климатическом сообществе оставили большой пробел в международном лидерстве и авторитете». Будучи второй по величине страной, выделяющей парниковые газы после Китая, США должны ускорить меры по борьбе с изменением климата и взять на себя более существенные обязательства. Согласно опросу «*Gallup*», проведенному в 2021 г., 58 % американских респондентов рассматривали изменение климата как критическую угрозу в течение следующих 10 лет, однако темпы текущих действий не

соответствуют срочности. Возобновление взаимодействия с ключевыми партнерами и союзниками по всему миру посредством многосторонних стратегий для решения амбициозных климатических задач жизненно важно для восстановления глобального влияния США [37].

Усилия государств по разработке и распространению вакцин против *COVID-19* по всему миру вызвали новое соперничество за мягкую силу, «дипломатию вакцин». Из-за реакции на коронавирус опросы общественного мнения в 2020 г. показали значительное снижение американской мягкой силы. Китай и Россия с самого начала заняли лидирующие позиции в распространении вакцин, оставив позади США. По меньшей мере 90 стран получили вакцины из Китая, особенно те, которые являются партнерами инициативы «Один пояс и один путь». Недавно в этих странах произошли массовые вспышки, и США могли бы использовать это время для продвижения своих безопасных и эффективных вакцин. Россия распространяет вакцины по всей Латинской Америке и Восточной Европе и активно развивает кампании дезинформации, направленные на дискредитацию западных вакцин. Согласно Глобальному индексу мягкой силы, опубликованному в феврале 2021 г., США получили 1,2 балла в отношении реакции на *COVID-19* по сравнению с Россией (4,0 балла) и Китаем (3,7 балла). С тех пор администрация Байдена распространила более 110 млн доз вакцины США по всему миру, включая сотрудничество в рамках проекта *COVAX*. По данным Организации Объединенных Наций (ООН), это превышает взносы всех других стран вместе взятых [42].

Успех Америки зависит не только от ее военной мощи, но и от ее имиджа во всем мире. Во времена администрации Трампа данные о восприятии мягкой силы США за рубежом в значительной степени игнорировались. Для администрации Дж. Байденом стоит задача изменить американское послание, участвуя в глобальных соглашениях и устанавливая политику, подчеркивающую сотрудничество. Взаимодействие США с партнерами и участие страны в решении международных проблем и вопросов может помочь вернуть инициативу по использованию мягкой силы в дипломатии и внешней политике.

Говоря о перспективах американской публичной дипломатии, можно лишь отметить то, что они довольно туманны. На современной геополитической арене они начинают все больше уступать другим акторам «мягкой силы», к примеру России и Китаю. Вероятно, что американская публичная дипломатия значительно дискредитировала себя в глазах тех, на кого была направлена, став своеобразным «сыром в мышеловке». Кровавые революции на Востоке, жестокость американских наемников разрушила в глазах многих веру в образ американской свободы и процветания.

Подводя итог, можно сказать, что основная ответственность за использование американской «мягкой силы» в общении с аудиторией за рубежом лежит на профессионалах публичной дипломатии правительства США. В XXI в. они столкнулись с рядом новых проблем при выполнении своих обязанностей. Наиболее масштабной проблемой стала цифровая революция в коммуникационных технологиях, которая сделала возможным появление широкого круга конкурирующих частных коммуникаторов, которые не всегда представляют положительные аспекты мягкой силы Америки. Зарубежная аудитория больше знает об Америке из источников, не связанных с *USG*, и часть этой информации носит негативный характер, а частное распространение американских культурных продуктов за рубежом не всегда создает положительный образ Америки. Поведение отдельных американских граждан, передаваемое социальными сетями, иногда неправильно понимается за границей. Между тем, другие события, такие как повышение требований безопасности в результате террористических атак и развитие коммуникаций Пентагона с иностранной аудиторией в мирное время, также осложнили усилия правительства США по максимальному использованию мягкой силы. Эти тенденции, вероятно, сохранятся. Наконец, суждение о том, что американская мощь в целом снизилась, вероятно, преждевременно, так что это существенно не влияет на эффект американской мягкой силы.

Глава 2 Воздействие «мягкой» силы США в странах Ближнего Востока

2.1 Этапы проникновения и инструменты «мягкой силы» США на Ближнем Востоке

Со времен Второй мировой войны правительство США систематически стремилось использовать «мягкую» силу в арабском мире, используя различные средства для охвата этой аудитории. США стремились нейтрализовать или поместить в контекст негативные истории, а также усилить позитивные аспекты американской «мягкой» силы, также активно используя все доступные инструменты публичной дипломатии. Применение американской «мягкой» силы всегда было центральным элементом усилий публичной дипломатии США в арабском мире и на Ближнем Востоке в целом.

Стоит отметить, что реализация публичной дипломатии вне методов «мягкой» силы попросту невозможна. Этому есть одна явная причина, а именно, то, что публичная дипломатия подразумевает под собой осуществление и налаживание долгосрочных отношений между странами, что невозможно без применения инструментов и механизмов «мягкой» силы.

Историческое развитие публичной дипломатии США на Ближнем Востоке можно разделить на такие следующие периоды (таблица 4).

Таблица 4 – Основные этапы проникновения мягкой силы США на Ближний Восток [11]

Этапы	Ключевые события
1850–1946 гг.	Либеральная политика США в арабских странах, развитие здравоохранения и образования
1946–2000 гг.	Продолжение образовательной интеграции США на Ближнем Востоке, поддержка идей либеральных и демократических движений
с 2001 г.	Развитие образовательных и научных программ, глубокое внедрение американских информационных технологий, СМИ и соц. сетей, поддержка женского движения и прав женщин на Востоке

В период до 1946 г. прослеживается цель и первичные эксперименты США по публичной дипломатии в ближневосточном регионе.

С конца 1850 гг. на Ближнем Востоке американцы-интернационалисты сосредотачивали свои интересы и средства на здравоохранении, образовании и социальных учреждениях на Святой Земле и в регионе Персидского залива. Распад Османской империи побудил либерально-настроенного президента В. Вильсона направить делегацию для исследования Перспективы самоопределения среди населения в пределах разделенных территорий Палестины, Сирии, Ливана и Анатолии. «Четырнадцать пунктов» либерала были хорошо восприняты на Ближнем Востоке как альтернативная идеология другой великой державы вместо западноевропейского контроля империализма. Американская публичная дипломатия возникла, когда президент В. Вильсон создал Комитет по общественной информации (*Committee Public Information*) в апреле 1917 г., чтобы донести до международного сообщества военные цели США в Первой мировой войне [2, с. 301].

С середины XIX в. американские религиозные миссионеры развивали в странах Ближнего Востока образовательную деятельность и сумели создать благоприятную основу для дальнейшего проникновения США в Европу. До начала Первой мировой войны в странах Ближнего Востока функционировало 450 школ, открытых миссионерами, и два американских университета в Ливане, которые были созданы в середине XIX в. и финансировались благотворительными фондами США. В американских школах и вузах в странах ближневосточного региона обучение осуществлялось на местных языках, а студенты изучали национальную историю и культуру [9, с. 96].

Стратегии публичной дипломатии США на Ближнем Востоке начала XX в. характеризовались в основном пропагандой военного времени через различные средства массовой информации и симбиотическими отношениями с частными газетами и медиаагентствами, в частности такими как: «*Associated Press*», «*United Press International*» и «*News Service*». Такая стратегия имела целью противодействовать усилиям нацистской пропаганды и сдерживать влияние

потенциальных государств Оси на Ближнем Востоке, где новые независимые государства начали новую фазу национализма и реорганизации.

Инструменты публичной дипломатии в этот период включали несколько политических визитов на Ближний Восток. В 1943 г. президент Ф. Рузвельт посетил конференции в Касабланке, Каире и Тегеране и обсудил будущий туризм с египетским королем Фаруком до его исторической встречи с королем Ибн Саудом в 1945 г. [11, с. 341].

Далее следует рассмотреть период 1946–2001 гг. В течение второй половины XX в. офис президента занимали десять различных администраций: пять демократов-Г. С. Трумэн, Дж. Ф. Кеннеди, Л. Джонсон, Дж. Картер и Б. Клинтон, и пять республиканцев-Д. Эйзенхауэр, Р. Никсон, Дж. Форд, Р. Рейган и Дж. Буш. Несмотря на различие в партиях, они имели схожую внешнюю политику в отношении Ближнего Востока, которая характеризовалась такими темами, как: противостояние Советскому Союзу и сдерживания распространения коммунизма против государств Персидского залива во время холодной войны; обеспечение доступа Америки к ближневосточным источникам природной энергии; оказание дипломатической, экономической и военной поддержки Израилю; поддержка мирных отношений с «умеренными» арабскими государствами. Пятая тема включает в себя разработку и внедрение американской публичной дипломатии в регионе [11, с. 372].

В период «холодной войны» наблюдался всплеск инструментов государственной дипломатии. Многие печатные и медиа-публикации *USIA*, культурные выставки и учебные программы по английскому языку экспортировались на Ближний Восток, чтобы влиять и информировать общественность, которая все больше начинает противостоять интересам США. Американские программы были нацелены на представителей высших городских слоев и крупных государственных чиновников в Ираке, Иране, Ливане, Афганистане и т. Для них были разработаны специальные программы стипендий в 1954–1955 гг. – как для «национальных лидеров», способных противостоять распространению антиамериканизма и советской идеологии в регионе [11, с. 403].

Кроме того, во всех странах Ближнего Востока открывались американские библиотеки публиковались антисоветские статьи, развешивались плакаты с антикоммунистическими призывами и тому подобное.

Характерной для этого периода публичной дипломатии США была деятельность, направленная на мобилизацию ислама, а также его представителей. В Ираке, Иране и Саудовской Аравии представителями Информационного агентства были развернуты кампании за ислам. В Саудовской Аравии было создано религиозное радио «*Jidda*», что вело вещание не только на арабском, но и на узбекском, азербайджанском и татарском языках [17, с. 80].

Вышеупомянутое Информационное Агентство США организовывало научные семинары и конференции для ученых и ученых, которые изучают и исследуют ислам.

Важнейшей деталью американской «мягкой» силы в регионе Ближнего Востока также было образование-реформирование, развитие и «американизация» системы образования ближневосточных государств, включая переход на английский язык. Управление запустило программу финансирования американских университетов в ближневосточном регионе в 1959 году и создания новых. В частности, пунктом для распространения американской модели образования в странах Ближнего Востока и центром американского контроля над арабским национализмом на территории от Эфиопии и Судана до Саудовской Аравии и Ирана [27].

Фонд «Американские друзья Ближнего Востока» осуществлял помощь иранским студентам с получением образования в Соединенных Штатах. С помощью этого фонда американское правительство создало иранский студенческий союз и ряд юношеских организаций.

Стоит отметить, что в период «Холодной войны» для конкретного государства Ближнего Востока подбиралась отдельная программа публичной дипломатии. Например, в Иране осуществлялась лишь информационная пропаганда через печатные СМИ; программы обменов проводились только в Египте, Израиле и

Сирии; а для Афганистана самыми эффективными считались лишь демонстрации фильмов и обмена [12].

В начале XXI в., негосударственные субъекты, являющиеся непосредственной целью усилий публичной дипломатии, будут представлять наибольшую угрозу национальной безопасности США. Исламистская террористическая группировка «Аль-Каида» совершили атаку на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Арлингтоне, штат Вирджиния, 11.09.2001 [14, с. 307].

Драматические события в политике США и Ближнего Востока развернули идеологическую войну между Вашингтоном и исламским фундаментализмом, в результате чего была переосмыслена и разработана новая стратегия публичной дипломатии США.

Нововведением программы публичной дипломатии данного периода была эмансипация женщин, которая была направлена на получение женщинами прав как политических, так и экономических, прав на участие в голосованиях, политической борьбе и в создании собственного бизнеса. Также, были созданы программы по ликвидации неграмотности среди девушек возрастной категории 10–15 лет. По мнению США, такие программы будут способствовать трансформации традиционного восточного общества, где роль женщины в обществе ограничивается законами шариата. США начали открывать школы грамотности в отдаленных районах Ближнего Востока, а наибольшее их количество наблюдалось в Египте, Афганистане и Марокко. С помощью обучения канонам политической борьбы некоторые выпускницы школ стали членами парламента Ирака, Иордании, Омана, Турции, Кувейта и Бахрейна. Каждый год, такая программа как «Международный гость» отбирает арабских женщин для посещения США с целью ознакомления с избирательным процессом. Всего результатов программа показала в Турции, Бахрейне и Афганистане [15, с. 67].

В рамках данного периода была предложена новая программа американской публичной дипломатии – «Инициатива сотрудничества на Ближнем Востоке». Начиная с 2002 г., она распространялась на такие государства ближневосточного региона как: Алжир, Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, ОАЭ и палестинские территории. Для

вышеупомянутых стран было создано 350 программ, которые были направлены на демократизацию региона [27].

В 2009 г. концепция «мягкой силы» – мягкая замена авторитарных режимов с помощью развития демократических институтов и гражданского общества, была указана как основа публичной дипломатии США. Благодаря развитию коммуникаций публичная дипломатия получила широкий спектр технологических инструментов для информирования и влияния на иностранную аудиторию.

Также, была создана «Ближневосточная сеть вещания», состоящая из радиостанций и телеканалов, а именно: радио «Сава» («*Radio Sawa*»), радио «Фарда» («*Radio Farda*») телеканал «Альхура» («*Alhurra TV*»). Эти радио – и телеканалы начали трансляции про США в страны Ближнего Востока и мобилизовать активную часть населения вокруг американских ценностей [27].

Дальнейшая Реформация и перестройка публичной дипломатии США на Ближнем Востоке уже продолжалась во времена администрации Б. Обамы. С передачей *USIA* государству в 1999 г., публичная дипломатия стала верхушкой внешней политики. В Национальной структуре стратегических коммуникаций Президента в 2012 г. публичная дипломатия признана важной составляющей инструментария национальной безопасности США. Следуя арабской весне, «события последних двух лет лишь усилили важность публичной дипломатии ... в продвижении интересов США» [27].

Во времена администрации Б. Обамы, целью американской публичной дипломатии на Ближнем Востоке была реабилитация имиджа США и завоевания доверия с целью содействия реализации американских интересов на Ближнем Востоке [11, с. 502].

В 2009 г. президент выступил с речью в Египте в городе Каир, где обозначил свою личную участие в мусульманском мире на основе взаимных интересов и взаимоуважения, и проиллюстрировал, как Соединенные Штаты и мусульманские общины во всем мире могут преодолеть некоторые отличия, которые их разделили [27].

Глобальная программа предпринимательства, Ближневосточная инициатива партнерства (*MEPI*), Международная программа лидерства «*Women2Women*» (*W2W*) (возможность для молодых женщин в возрасте от 15 до 19 лет принять участие в образовательном и культурном обмене в Бостоне, штат Массачусетс), Программа обмена молодыми лидерами Ирака (*IYLEP*). Эти программы в значительной степени способствовали образовательной и культурной коммуникации между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока и улучшили взаимопонимание между рядовыми гражданами с обеих сторон [40].

С приходом к власти Д. Трампа наблюдалось стремительное обострение отношений США и Ближнего Востока, особенно, когда новоизбранный президент в мае 2018 г. объявил о намерении США выйти из Иранской ядерной сделки, тем самым подрывая создаваемые годами его предшественниками альянсы.

Администрация Д. Трампа подавала сильные антимусульманские сигналы, которые в свою очередь представляли дополнительный вызов дипломатии США в целом, а сам президент издавал распоряжения, запрещая въезд в США гражданам мусульманских стран. Выражая таким образом свою собственную неприязнь к мусульманам, Д. Трамп ставил под угрозу вековые достижения публичной дипломатии США на Ближнем Востоке [27].

Из-за таких действий своего предшественника, перед Дж. Байденом встают новые задачи в виде реформ.

Во-первых, администрация президента должна инвестировать в публичную дипломатию на Ближнем Востоке, поскольку известно, что Д. Трамп добивался сокращения бюджета для виртуальных и традиционных программ обмена для арабов и израильтян. Администрация Дж. Байдена должна противостоять импульсу сокращения относительно таких программ.

Во-вторых, президент США должен увеличить финансирование критически важных каналов, таких как «Голос Америки», ведущих вещание в ближневосточном регионе. В 2020 г. Администрация Д. Трампа нанесла ущерб американскому вещанию, пытаясь его делегитимизировать.

В-третьих, президент Дж. Байден должен восстановить надлежащее использование всех инструментов публичной дипломатии США в регионе. Д. Трамп вел активную деятельность в социальных сетях, где не совсем корректно высказывался относительно ситуации в Иране. Администрация Дж. Байдена должна поддерживать дисциплину обмена сообщениями, работая над тем, чтобы они были четкими и последовательными в отношении американской политики в социальных сетях [5, с. 29].

Таким образом, можно обобщенно представить основные инструменты «мягкой» силы США на Ближнем Востоке (таблица 5).

Таблица 5 – Инструменты «мягкой» силы США на Ближнем Востоке [27]

Инструменты	Примеры
СМИ	религиозное радио « <i>Jidda</i> », радио «Сава» (« <i>Radio Sawa</i> »), радио «Фарда» (« <i>Radio Farda</i> ») телеканал «Альхура» (« <i>Alhurra TV</i> »)
Образование	Международная программа лидерства « <i>Women2Women</i> » (W2W) (возможность для молодых женщин в возрасте от 15 до 19 лет принять участие в образовательном и культурном обмене в Бостоне, штат Массачусетс), Программа обмена молодыми лидерами Ирака (IYLEP).
Программы культурного обмена и сотрудничества	Программа переселения и приема беженцев США, Глобальная программа предпринимательства, Ближневосточная инициатива партнерства (MEPI)
Продукты массовой культуры	Голливудские фильмы и сериалы, мультфильмы для детей, демонстрирующие американскую культуру и образ жизни, открытие точек общественного питания фаст-фуд

Можно также выделить определенные перспективы реализации политики «мягкой» силы на Ближнем Востоке. Пока немусульманские страны будут восприниматься как враждебные на религиозной основе к своим мусульманским коллегам, публичная дипломатия будет иметь мало шансов приобрести популярность независимо от новой цифровой среды.

Стоит отметить, что широкие перспективы публичной дипломатии США в ближневосточном регионе открываются благодаря Интернету и социальным сетям. Интернет-медиа становятся все более доступными как в отдельных арабских домохозяйствах, так и в Интернет-кафе и других местах существования общин.

Учитывая масштабы контента, который базируется в сети Интернет, отдельные лица могут сопоставлять свои интересы с другими, которые отображаются на страницах в американских социальных сетях и интернет-платформах. Наконец, перспективой для американской публичной дипломатии в ближневосточном регионе является молодежь. Быстро растущая молодежь в странах с большинством мусульман должна рассматриваться как возможность для публичной дипломатии США, а не как угроза. Исследования показывают, что молодые люди лучше воспринимают американские ценности, особенно когда они имеют доступ к Интернету [26].

Итак, после президентства Д. Трампа, публичная дипломатия США на Ближнем Востоке требует стратегического переосмысления для ее дальнейшей успешной реализации. В перспективе, публичная дипломатия США на Ближнем Востоке при администрации Дж. Байдена, сосредоточена на его региональной стабильности, что в свою очередь является основным интересом Соединенных Штатов в регионе. Относительно Ближнего Востока, администрация Дж. Байдена, вероятно, вносит серьезные изменения в политику предыдущей администрации. По состоянию на сегодняшний день, в регионе Ближнего Востока реализуется ряд программ американской публичной дипломатии. В частности, в рамках Ближневосточной инициативы осенью 2022 г. будут действовать образовательные программы обмена для выпускников средних школ Алжира, Бахрейна, Египта, Иордании, Ирака, Ливана, Ливии и Марокко.

2.2 Слабые стороны политики «мягкой силы» США на Ближнем Востоке

Политика «мягкой» силы хоть и подразумевает под собой ненасильственное насаждение инородной культуры и политики, однако она не может стоять в отрыве от основного вектора политики, проводимого той или иной страной. В связи с этим можно говорить о том, что основные проблемы, связанные с «мягкой» силой США на Ближнем Востоке, напрямую зависят от направления основного вектора политики в данном регионе. Таким образом, необходимо рассмотреть основные

аспекты внешней политики США на Ближнем Востоке и Арабских странах, которые напрямую связаны с «мягкой» силой.

На протяжении более десяти лет Соединенные Штаты стремились свернуть войны в Афганистане и Ираке, сократить свое военное присутствие на Ближнем Востоке и перенаправить ресурсы в Азию. Глобальные и региональные тенденции усилили это американское стремление снизить приоритет Ближнего Востока в своей глобальной стратегии, и военный «поворот» идет полным ходом. Задача американской политики заключается в том, как защитить свои оставшиеся и все еще важные интересы в этом регионе в эпоху жесткой экономии и жесткой конкуренции за власть, как в регионе, так и во всем мире. В свою очередь, администрация Байдена не должна тратить большое время на перезагрузку.

Партнеры из арабских стран Персидского залива, сталкивающиеся с финансовыми ограничениями из-за снижения цен на энергоносители и глобальной рецессии, вызванной *COVID-19*, более открыты для разрешения конфликтов в опосредованных войнах, которые они вели по всему региону. Но их относительная бедность также будет препятствовать их способности инвестировать в стабилизацию более слабых соседей, включая такие ключевые государства, как Иордания и Египет. Тем временем Исламская Республика Иран находится под жесткими санкциями и привыкла пользоваться региональным влиянием. Таким образом, баланс сил в регионе может даже благоприятствовать иранцам, поскольку пандемия отступает. Команде Байдена также следует отказаться от бесплодного «максимального давления» администрации Трампа в пользу сочетания сотрудничества в области разведки, дипломатии, финансовых и военных инструментов, которые могут эффективно сдерживать или пресекать подрывную деятельность Ирана, одновременно стимулируя возвращение Тегерана за стол переговоров по ядерной программе. И Пентагон должен провести тщательный анализ своего военного присутствия в регионе Персидского залива, чтобы убедиться, что оно эффективно и эффективно выполняет свои основные задачи [2, с. 308].

Соединенные Штаты должны восстановить то, что исторически было их самым эффективным инструментом на Ближнем Востоке: дипломатию и «мягкую» силу,

особенно в продвижении урегулирования конфликтов. В Йемене и Ливии теперь могут появиться возможности вывести конкурирующие региональные державы из боевых действий и договориться о разделении власти между правительствами, которые способствуют стабильности и ограничивают свободу действий исламистских террористических движений. Вашингтон не может позволить израильтянам и палестинцам увязнуть в их зашедшем в тупик конфликте, но вместо того, чтобы пытаться возобновить переговоры, он должен придерживаться долгосрочного подхода к восстановлению основ для компромисса между двумя обществами, настаивая на том, чтобы они оба отказались от дестабилизирующих односторонних действий и работали над улучшением свободы, безопасности и процветания для тех, кто живет с конфликтом каждый день [27].

Наконец, администрации Байдена следовало бы восстановить четкие границы в отношениях, которые были глубоко разбалансированы небрежным подходом президента Дональда Трампа. У Израиля, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) есть вопросы по поводу масштабов и долговечности американских обязательств в области безопасности по отношению к их соседям, и все трое предпочитают поддерживать тесное взаимодействие с США. Вашингтон может проводить необходимую дегэскалацию и ядерную дипломатию с Ираном, одновременно вовлекая этих ключевых партнеров в обсуждение того, где начинаются и заканчиваются американские интересы, и где собственные предпочтения и поведение партнеров представляют реальные препятствия для более тесного сотрудничества. Как и во всех здоровых отношениях, честное общение и четкие границы необходимы для поддержания взаимного уважения и хороших отношений [7, с. 149].

Таким образом, задача американской публичной дипломатии заключается в том, чтобы защитить свои оставшиеся и все еще важные интересы в этом регионе в эпоху жесткой экономии и жесткой конкуренции за власть, как в регионе, так и во всем мире. Новый подход к Ближнему Востоку назрел, и администрация Байдена не должна упускать время для перезагрузки. По мере того, как волна пандемии отступит, регион будет выглядеть совсем по-другому – и в этом изменившемся

Соединенных Штатов появятся как возможности, так и опасности. Выбор, стоящий перед президентом Джо Байденом, не является ни простым, ни экономичным.

Двойной кризис пандемии *COVID-19* и обвал мировых цен на нефть привели к тому, что арабские государства Персидского залива столкнулись со значительным снижением благосостояния, не имея достаточных денежных средств для поддержки своих собственных мрачных экономик, не говоря уже о продвижении амбициозных программ реформ или масштабных проектов развития. Эта относительная нищета, вероятно, будет препятствовать их способности оказывать влияние во всем регионе. Главным инструментом Арабского залива в региональной геополитической конкуренции всегда были деньги. В прошлые годы эти деньги обладали значительной властью, о чем свидетельствует, например, 30 млрд долл., вложенных горсткой стран Персидского залива в поддержку правительства президента Абдель-Фаттаха ас-Сисси в Египте [27].

Потеря этого балласта в Персидском заливе помешает любым усилиям США по стабилизации региона – пострадавшей от *COVID* экономике США будет трудно инвестировать скудные доллары помощи в поддержку слабых ближневосточных государств. Действительно, общий региональный геополитический баланс после *COVID* может даже благоприятствовать Ирану. Несмотря на то, что Исламская Республика была опустошена пандемией и сокрушительными санкциями, она давно научилась жить без значительных доходов от нефти и хорошо научилась пользоваться региональным влиянием без лишних усилий [12, с. 24].

Анализируя представленные выше факты о внешнеполитической активности США на Ближнем Востоке, можно проанализировать то, как это отражается на реализации политики «мягкой» силы в регионе, и какие недостатки она имеет.

Первым и самым главным недостатком является нарушение понимания политики «мягкой» силы. А именно то, что она не должна сопровождаться насильственным военным давлением или военным присутствием на страны, где она реализуется. Без снижения данного присутствия США в регионе формирование

положительного образа страны с использованием «мягкой» силы является трудновыполнимой задачей.

Второй недостаток «мягкой» силы США по отношению к странам Ближнего Востока заключается в недостаточной адаптированности данной политики и заключается в следующих аспектах:

- американская публичная дипломатия не является культурно нейтральной, но отражает уникальный американский стиль общения;

- хоть американский стиль общения положительно резонирует с американским обществом, он негативно резонирует или не может резонировать среди арабской и мусульманской общественности;

- культурные различия в стилях публичного общения подрвали эффективность американской публичной дипломатии в арабском и мусульманском мире.

Кроме вышеупомянутых недостатков, следует выделить проблему «доверия» и религии. Недоверие, как и, впрочем, вышеупомянутый первый недостаток, следует из того факта, что многие на Ближнем Востоке испытывает резкое противоречие между посылом публичной дипломатии США и действиями внешней политики США.

Проблема религии в значительной степени препятствует успешной реализации политики «мягкой» силы США на Ближнем Востоке. США должны признать, что население региона поддерживает различные идентичности-религиозные, националистические, семейные, образовательные и т. д., а привлечение людей через одну идентичность не должно побуждать к игнорированию других.

Можно привести более детально культурные аспекты, негативно повлиявшие на американскую «мягкую» силу в некоторых странах Ближнего Востока. Например, в 1960 гг. журнал *«Life»* опубликовал статью на обложке, посвященную исламу, на которой якобы был изображен пророк Мухаммад. Большинство мусульман считают фотографии Мухаммеда богохульными, и в нескольких арабских странах правительство запретило журнал. В Саудовской Аравии, где

культурный центр посольства продемонстрировал экземпляр журнала, который посольство доставило через дипломатическую почту, правительство пожаловалось, и посольство принесло извинения, но общественность так и не узнала об инциденте, и последствий не было, потому что не было Интернета для быстрого распространения подобных новостей [27].

Сегодня такой инцидент получил бы широкое освещение в цифровых СМИ и вызвал бы серьезную критику Америки, подрывая мягкую силу. Например, в сентябре 2010 г., в девятую годовщину теракта 11.09.2001 в Соединенных Штатах, преподобный Терри Джонс, пастор Всемирного информационно-пропагандистского центра «*Dove*» в Гейнсвилле, штат Флорида, неконфессиональной христианской церкви, пригрозил сжечь Коран на церемонии, чтобы показать свой гнев на мусульман. Эта история была немедленно подхвачена Интернетом, и поскольку она была связана с актом богохульства против священной книги мусульман, она получила широкое распространение в арабском мире и в других странах. Джонс впервые объявил о своем плане сжечь Кораны в американских социальных сетях. Поскольку эта история распространилась за рубежом, госсекретарь США Хиллари Клинтон почувствовала необходимость высказаться, и она заявила следующее: «Прискорбно, что пастор в Гейнсвилле, штат Флорида, с церковью, насчитывающей не более пятидесяти человек, может осуществить этот возмутительный и неприятный, позорный план и привлечь, знаете ли, весь мир ко всеобщему вниманию» [24].

Даже президент Обама счел необходимым пресечь эту историю, публично отчитав пастора Джонса и представив эту историю в контексте для иностранной аудитории. 9.09.2010 в эфире телеканала «ABC» Барак Обама заявил, что сожжение Корана «может привести к серьезному насилию в таких местах, как Пакистан или Афганистан. Это может увеличить вербовку людей, которые были бы готовы взорвать себя в американских или европейских городах». Он сказал: «...этот трюк, о котором он говорит, может сильно подвергнуть опасности наших молодых мужчин и женщин в военной форме, которые находятся в Ираке, которые находятся в Афганистане. Мы уже видим протесты против американцев из-за одной только

угрозы, которую он выдвигает». Обама подчеркнул, что: «...то, что он предлагает сделать, полностью противоречит нашим ценностям как американцев, что эта страна была построена на понятиях свободы вероисповедания и религиозной терпимости». На вопрос, можно ли остановить подобное, Обама ответил: «Насколько я понимаю, он может быть привлечен к ответственности за публичное сожжение... но это предел законов, которыми мы располагаем». Министр обороны Роберт Гейтс позвонил Джонсу, чтобы попросить его не доводить дело до сожжения Корана. Это не остановило Джонса. 21.03.2011 Джонс устроил инсценировку суда над Кораном и поджег копию в качестве «наказания» за «преступления против человечности». А 28.04.2012 Джонс сжег еще один [24].

Протесты вспыхнули по всему арабскому миру. Джонс и его церковь получили сотни угроз расправы по телефону и почте, а некоторые были опубликованы на арабских веб-сайтах. Они сообщили, что пакистанская радикальная исламистская группировка объявила награду в размере 2,2 млн долл. США и фетву, призывающую к смерти Джонса, и что иранский священнослужитель призвал казнить Джонса. В ноябре 2012 г. египетский суд заочно признал пастора Джонса виновным и приговорил его к смертной казни за богохульство [27].

В арабском мире эта история подорвала мягкую силу Америки как общества, уважающего религию. Официальные лица США в посольствах в арабском мире усердно работали на встречах с представителями арабских СМИ и другими лидерами общественного мнения, чтобы высказать те же соображения, которые американские официальные лица публично высказывали по этому делу. Они подчеркнули, что Джонс был частным лицом, защищенным американским законодательством, и что высокопоставленные американские чиновники, включая даже президента Обаму, критиковали его действия.

Аналогичная проблема возникла в 2012 г., когда египетско-американский христианин-копт в Калифорнии снял фильм «Невинность мусульман», целью которого было унижить пророка Мухаммеда и критиковать ислам. Эта история была подхвачена и передана египетским телеканалом «*Nilesat*». Протесты вспыхнули в Египте, Йемене, Тунисе и Ливии. В Каире протестующие проломили стену

посольства США и сожгли флаг. В Бенгази, Ливия, они напали и сожгли консульство США, а посол Стивенс был убит вместе с тремя другими американцами [24].

Американские официальные лица действовали быстро, пытаясь противостоять широко распространенному гневу мусульман, вызванному фильмом, потому что очень разгневанная публика бросала вызов основным американским принципам. Они выступили с заявлениями, осуждающими фанатизм фильма, и в то же время заявили, что насилие было неуместной реакцией. Хотя многие арабы требовали решительных действий против продюсера фильма, потому что он был частным лицом, американцы стремились объяснить свою свободу слова наряду с основными американскими принципами, которые противостоят нападкам на религию. Таким образом, в вышеизложенном была выявлена дилемма в представлении американской мягкой силы.

Помимо культурных аспектов, американские политические ценности и процессы составляют один из компонентов мягкой силы. Вообще говоря, арабы восхищаются американской демократией, верховенством закона, подотчетностью лидеров, свободой слова и другими американскими политическими идеалами. Этих качеств не хватает во всем арабском мире, и это делает американскую политическую систему привлекательной для большинства арабов как усиление мягкой силы. Тем не менее, некоторые аспекты американской политической системы в последнее время несколько подорвали эту фундаментально позитивную картину для арабской общественности.

Во время американской оккупации Ирака арабы слышали истории о жестоком обращении американцев с заключенными в Абу-Грейбе, задержаниях в Гуантанамо, Патриотическом акте и историях о пытках. Многие из них сочли эту деятельность противоречащей провозглашаемым американским идеалам и обвинили Соединенные Штаты в лицемерии. Они также узнали о поляризации Конгресса США, и это тоже сделало политическую систему менее достойной восхищения.

В то же время они часто неправильно понимают, как работает американская политическая система. Арабы крайне озадачены тем, что Конгресс может

блокировать политику президента. Конечно, сотрудники американской общественной дипломатии пытаются объяснить нюансы политической системы, но сделать это будет сложнее во время той или иной избирательной кампании, потому что кандидаты на пост президента с большей вероятностью будут делать заявления, предназначенные для внутренней аудитории, и игнорировать все, что может оскорбить арабов и других иностранцев. Это было проиллюстрировано в 2016 г. на вопросах, связанных с арабо-израильским конфликтом, терроризмом и иммиграцией [27].

Также наиболее неоднозначной и наиболее неудачной на Востоке является американская пропаганда однополых браков, что абсолютно не мыслимо для умов большинства мусульман, и что в последнее время наиболее отторгает их от каких-либо американских ценностей. Если же подобная популяризация однополых браков широко применима в Европе, то в арабских странах это является неприемлемым и способно перечеркнуть те усилия, которые вкладываются для успеха американской публичной дипломатии.

Исходя из вышеизложенного, можно суммировать и систематизировать основные недостатки и проблемы американской «мягкой» силы на Ближнем Востоке (рисунок 2).

Рисунок 2 – Недостатки «мягкой» силы США на Ближнем Востоке [27]

На данном этапе довольно сложно оценить влияние и неприятие подобной либеральной концепции на Востоке, связанной с базовыми этическими и культурными особенностями, однако можно уже утверждать, что она имеет определенный негативный эффект в данном регионе. Таким образом, для американской «мягкой» силы в арабских странах крайне необходимо помнить о сложившихся за многие века культурных и даже религиозных ценностях.

Таким образом, основные проблемы «мягкой» силы США на Ближнем Востоке можно разделить на две группы – внешнеполитические и культурно-религиозные. Именно эти две группы и сопутствующие им факторы оказали наибольшее влияние на успех публичной дипломатии.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что «мягкая» политика США на Ближнем Востоке хоть и является приоритетным направлением во внешнеполитической концепции американцев, однако ее нельзя назвать в значительной успешной, сравнивая ее успех с подобным в Европе и некоторых Азиатских странах. Можно констатировать, что подобная неудача напрямую связана со сложностью подхода «мягкой» силы по отношению к Ближнему Востоку. Вероятно, что за свою не очень длинную жизнь концепция «мягкой» силы на именно на данном примере показывает, что не всегда является универсальным и эффективным инструментом для достижения определенных внешнеполитических целей. Принимая во внимание данный факт, можно предположить, что для данного подхода необходима определенная «почва», состоящая из подходящих для установления влияния критериев, например таких как религия, культура, этническая общность и исторические особенности развития. Возможно, что именно поэтому американская публичная дипломатия постоянно находит «камни преткновения» на пути реализации своей «мягкой» силы на территории арабских стран.

Глава 3 «Мягкая сила» как инструмент влияния на Россию в период 1950–2022 гг.

3.1 Институты, механизмы и этапы внедрения «мягкой силы» США в Россию

На современном этапе развития международных отношений, который характеризуется коренной трансформацией специфики межакторного взаимодействия, мягкая сила, как основополагающий инструмент внешнеполитической деятельности, нуждается в соответствующем институциональном оформлении, призванном обеспечивать детальное регулирование и, соответственно, эффективность проводимых мероприятий. В особенности это актуально в контексте курса США относительно Российской Федерации, история «мягкого» взаимодействия в рамках которого исчисляется многими десятилетиями и затрагивает весь комплекс универсального американского арсенала в анализируемом контексте.

В первую очередь, необходимо отметить, что на протяжении всей истории, независимо от этапов, характеризующих взаимодействия государств, США оказывали существенное косвенное влияние на российскую систему, исходящее из общей внешнеполитической деятельности западного гегемона.

К примеру, начиная с середины XX в., США, во многом, были бесспорной доминантой в сфере международного бизнеса, успешное функционирование которого либо наносило имиджевый ущерб СССР и Российской Федерации, репрезентуя несостоятельность систем экономического прогресса данных государств, либо производя эффективные хозяйственные «интервенции» в российские структуры. Данный аспект является актуальным и на современном этапе международного развития, так как большинство американских корпораций являются флагами мирового рынка (таблица 6).

Таблица 6 – Крупнейшие корпорации США в рейтинге *Fortune* 500, 2021 г. [28]

№ в рейтинге <i>Fortune</i>	Корпорация	Сфера деятельности	Выручка, млн долл.	Рыночная стоимость, млн долл.
1	<i>Walmart</i>	Розничная торговля	559151	382642,8
2	<i>Amazon</i>	Интернет-услуги и розничная торговля	386064	1558069,6
3	<i>Apple</i>	Компьютерные технологии	274515	2050665,9
4	<i>CVS Health</i>	Здравоохранение	268706	98653,2
5	<i>UnitedHealth Group</i>	Здравоохранение	257141	351725

Таким образом, согласно данным делового журнала *Fortune*, корпорации США являются ведущими в мире, иллюстрируя этим статус хозяйственной бизнес-системы государства. Более того, необходимо отметить, что данные компании репрезентуют комплексный спектр ведущих отраслей, представляющих собой драйверы глобального экономического развития на современном этапе.

Помимо этого, США представляют собой определяющее системное звено в контексте институционального оформления международных отношений, во многом определяя этим формальные «правила игры» для широкого спектра акторов, включая Российскую Федерацию.

В частности, анализируемая западная держава является одним из основных учредителей Организации Объединенных Наций (ООН), представляющей собой универсальный наднациональный регуляторный механизм, во многом определяющий специфику современных международных процессов. С момента создания данного института в 1945 г. США вносили в него наибольший финансовый вклад, формируемый как из долевых, так и добровольных взносов. Стоит отметить, что данная тенденция характерна и для современного этапа функционирования организации (рисунок 3).

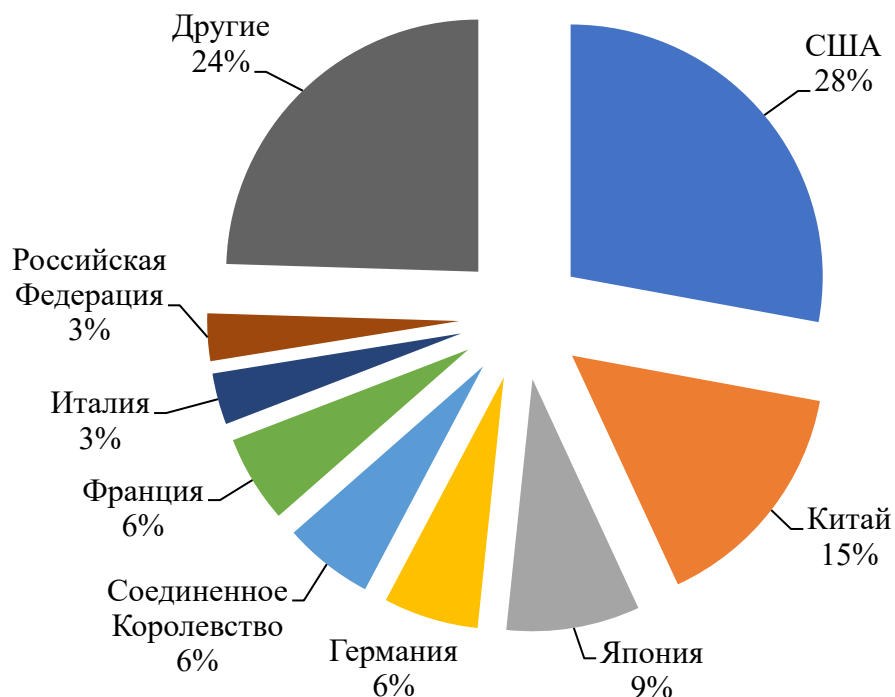

Рисунок 3 – Доли членских взносов в бюджет ООН, 2021 г. [25]

Таким образом, несмотря на реформацию курса финансирования крупных международных организаций в сторону снижения объемов выделяемых средств, проведенную администрацией Д. Трампа, США остаются основным спонсором деятельности ООН. Стоит отметить, что данные бюджетные средства, сформированные за счет членских взносов, согласно официальной организационной смете, преимущественно направлены на финансирование наиболее политически «чувствительных» мероприятий, а также миротворческих миссий, в контексте планирования которых доля вклада того или иного актора может играть определяющую роль относительно учета его интересов.

В целом, все из проанализированных выше косвенных институтов и механизмов мягкой силы США представляют собой универсальные инструменты внешней деятельности, в соответствии с чем их адаптация относительно того или иного актора не является актуальной. Данный аспект характеризует и российский вектор политики рассматриваемого государства, в рамках которого было применено большинство из проанализированных механизмов. Однако, необходимо отмечать

варьирование непосредственных механизмов, посредством которых происходит внедрение «мягкого» инструментария в эндогенную систему, относительно специфики периода взаимодействия государств.

Так, анализируя воздействие мягкой силы США на СССР и Российскую Федерацию в исторической ретроспективе (1950–2015 гг.), можно выделить два основных этапа, которым присущи уникальные характеристики функционирования рассматриваемого феномена, таких, как:

- период 1949–1991 гг., в течение которого происходило преимущественно внешнее воздействие мероприятий США на советские структуры, а также внедрение спектра инструментов в рамках зоны влияния социалистического лагеря;

- период 1991–2014 гг., характеризующийся всесторонним эффективным внедрением мягкой силы в российскую эндогенную систему.

Рассматривая первый из приведенных выше этапов, необходимо отметить отсутствие прямых внешнеполитического вектора США, подразумевающего непосредственное внедрение инструментов и механизмов мягкой силы в эндогенные структуры СССР по причине закрытости данной системы и исходя из специфики дихотомичного «холодного» противостояния блоков. «Мягкое» воздействие западной державы во многом ограничивалось мероприятиями, направленными на формирование и последующее расширение стратегических зон влияния.

В частности, классическим примером подобного механизма является План Маршалла или «Программа восстановления Европы», представляющий собой проект послевоенного развития шестнадцати стран западной части Евразии, выдвинутый государственным секретарем США Дж. Маршаллом. Главной целью данной стратегической среднесрочной инициативы являлось создание стабильных условий эндогенного развития европейских систем, в рамках которых было бы возможно восстановление и дальнейшее развитие демократических институтов, которым, по причине высокого уровня бедности и безработицы в странах Европы после Второй Мировой войны, противостояли популярные коммунистические течения (таблица 7).

Таблица 7 – Основные направления финансовой помощи в рамках Плана Маршалла [29]

Государство	Размер финансовой помощи, млрд долл. США
Великобритания	2,8
Франция	2,5
Италия	1,3
Западная Германия	1,3
Нидерланды	1
Другие государства	4,1
Всего	13

Таким образом, План Маршалла отличался существенными масштабами американского воздействия на ведущие европейские державы. Его эффективность в контексте «мягкого» противостояния с социалистическим блоком была подкреплена наличием ряда требований для государств-участников данной программы, важнейшим из которых было вытеснение левых сил в лице коммунистов из властных структур.

Более того, в рамках анализируемого этапа практиковалось активное институциональное оформление «мягкого» влияния США в мире и Европе. Так, Администрация экономического сотрудничества (АЭС) – основная организация, выполнявшая регулятивные функции в процессе осуществления Плана Маршалла, была трансформирована в постоянно действующий институт – Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), идеология которой базируется на представительной демократии и свободной рыночной экономике, также являя собой противовес системному прогрессу СССР [29].

Помимо этого, интеграция Европы под эгидой США в целях предотвращения коммунистической экспансии осуществляла и в военно-политической сфере. Так, в 1949 г. был подписан Североатлантический договор, ознаменовавший собой окончательное формирование коллективных сил Запада в рамках НАТО. Несмотря на то, что данная организация была сформирована в большей степени как

решение в ответ на нужды развивающейся холодной войны, она просуществовала и после окончания этого конфликта и, во многом, являлась важнейшим механизмом мягкой силы США в мировом масштабе [20].

Таким образом, «мягкое» воздействие западного гегемона XX в. на СССР в период 1949–1991 гг. заключалось, в первую очередь, в сдерживании масштабной коммунистической экспансии путем эффективной материализации организационного измерения мягкой силы и его распространения на зоны американского влияния.

В свою очередь, изменение специфики «мягкой» внешнеполитической деятельности США в период 1991–2014 гг. было обусловлено крушением социалистического лагеря и коренной трансформацией глобальной геополитической ситуации. Так, одним из качественно новых направлений «мягкого» воздействия стал разворот институциональной экспансии, осуществляемой, в первую очередь, расширением НАТО, на Восток (таблица 8).

Таблица 8 – Процесс расширения НАТО на Восток [30]

Год	Страны, принятые в блок
1999	Венгрия, Польша, Чехия
2004	Болгария, Румыния, Словакия, Латвия, Литва, Словения, Эстония
2009	Хорватия, Албания

Также, «мягкое» воздействие США на Российскую Федерацию, как государство-правопреемника СССР, заключалось в реализации курса поддержки, направленного на рыночно-демократическую трансформацию страны под эгидой западного гегемона. Так, «Новое демократическое партнерство», инициированное Б. Клинтоном, привело к увеличению технико-экономической помощи России до 1,6 млрд долл., а также выдаче кредитов на рекордную сумму 28,4 млрд долл.

Помимо гуманитарного влияния, США оказывали заочное системно-статусное воздействие на внешнеполитический курс Российской Федерации на ранних этапах, проводимого первым министром иностранных дел России А. В. Козыревым. «Идеалистическая» прозападная направленность, в качестве основной цели которой

выступало сближение с развитым миром и, в частности, с США, а также российский курс эндогенного развития, заключавшийся в экономической либерализации и политической демократизации общества, были, во многом, обусловлены динамизмом американского прогресса, выполнявшего роль инструмента мягкой силы [6, с. 207].

Несмотря на то, что описываемый вектор «мягкого» воздействия США на Российскую Федерацию был существенно ослаблен уже в 1994 г. после открытого неприятия национальным правительством ультиматума НАТО касательно сербского вопроса, функционирование мягкой силы на территории правопреемницы СССР продолжало осуществляться, в первую очередь, за счет американской массовой культуры, продолжающей оставаться абсолютной доминантой духовной сферы в глобальном масштабе.

В частности, одним из наиболее широко распространенным и эффективно функционирующим агентом мягкой силы является компания «фаст-фуд» *McDonald's*, играющая роль глобального транслятора первого порядка, главная цель которого представляет собой превознесение в массовый международный дискурс определенной информационной установки и модели поведения. Работая в синергии с остальными инструментами, данные механизмы вносят непосредственные изменения в «повестку дня» и систему ценностей социума-объекта.

Таким образом, распространение ресторанов *McDonald's* в Российской Федерации является одним из массово-культурных инструментов США (рисунок 4).

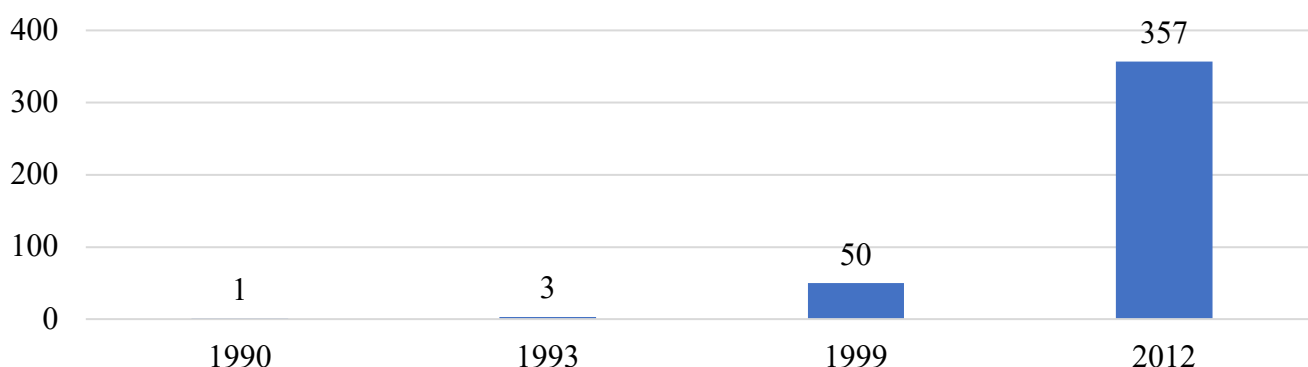

Рисунок 4 – Динамика количества ресторанов *McDonald's* в Российской Федерации, 1990–2012 гг. [8]

Таким образом, можно констатировать рост темпов увеличения числа *McDonald's* в период с 1999 г., что свидетельствует как об активизации «мягкой» внешнеполитической деятельности США через сферу международного бизнеса, так и о российском повороте в сторону западной культуры, который, во многом, стал результатом «мягкого» воздействия на государство в период 1991–2014 гг.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что внедрение мягкой силы США в Россию имеет поэтапную градацию и осуществляется посредством широкого спектра механизмов и инструментов. В частности, анализируя первые периоды «мягкого» воздействия западного гегемона, стоит отметить, что в качестве ведущего инструментария реализации данного курса выступали институты внешней политики и системного прогресса, что было обусловлено закрытым характером советских структур на начальных этапах.

3.2 Специфика инструментария и результативность воздействия «мягкой силы» США на Россию в 2015–2022 гг.

Современный этап внешнеполитической деятельности США является крайне противоречивым с точки зрения соотношения его эффективности и инструментов непосредственной реализации. В частности, важнейшая характеристика глобальной политики государства на протяжении последнего десятилетия представляет собой поступательное снижение результативности «мягких» механизмов как в отношении Российской Федерации, так и в мировом масштабе в связи с широким спектром репутационных проблем.

Так, анализируя российское направление «мягкой» деятельности США, необходимо отмечать влияние комплексной геополитической ситуации. Украинский кризис 2014 г. и спецоперация Российской Федерации в данном государстве в 2022 г. обусловили существенное ухудшение двусторонних отношений государств

и, соответственно, возможность прямой эффективной имплементации «мягких» инструментов США в российскую эндогенную систему.

В частности, в связи с антироссийскими санкциями после событий 2014 г. и 2022 г., можно констатировать ослабление американского механизма репрезентации культурных ценностей посредством международного бизнеса. Так, за период 2014–2016 гг. из Российской Федерации ушло более 60 брендов США, выполнявших важнейшую функцию транслятора первого порядка [41].

Более того, дальнейшие экономические ограничения, введенные в начале 2022 г., поспособствовали оттоку наиболее эффективных агентов. К примеру, *McDonald's* как общепринятый и наиболее эффективный транслятор национальных ценностей США, на протяжении периода 2014–2021 гг., несмотря на вводимые санкции касательно крымского вопроса, демонстрировал исключительно положительную тенденцию распространения в рамках российской системы (рисунок 5).

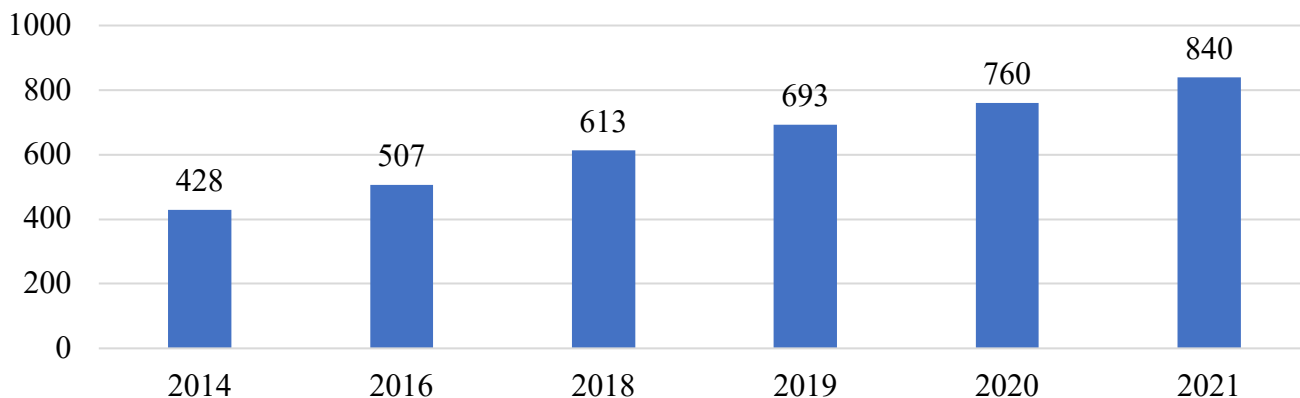

Рисунок 5 – Динамика количества ресторанов *McDonald's* в Российской Федерации, 2014–2021 гг. [8]

Таким образом, за рассматриваемый период сеть ресторанов *McDonald's* была увеличена на 96 % относительно 2014 г. Однако, по состоянию на 2022 г., данная сеть прекращает свою деятельность на территории Российской Федерации.

Помимо ухода широкого спектра компаний США с российского рынка, западной державой реализуется большое количество других санкционных ограничений, во многом определяющих специфику взаимодействия акторов на современном этапе (таблица 9).

Таблица 9 – Санкции США относительно Российской Федерации [22]

№	Сфера действия	Тип санкций
1	Экспорт и импорт	Ограничения на торговлю товарами оборонно-промышленного комплекса, самолетостроения и судостроения
2	Авиасообщение	Запрет на полеты российских самолетов над всей территорией США
3	Банки	Блокировка счетов и активов
4	Персональные санкции	Санкции против правительственных лиц и топ-менеджеров ведущих российских банков и компаний
5	Визы и дипломатические отношения	Прекращение упрощенного визового режима

Таким образом, «мягкое» воздействие США посредством санкционной политики заключается в попытке минимизации экономической выгоды России, получаемой от ведущих отраслей эндогенной системы путем торгово-логистических ограничений. В целом, данная мера является обоснованной, учитывая важность США в структуре внешней торговли Российской Федерации.

Более того, не менее важную роль играют санкции, направленные на подрыв имиджевого аспекта российской внешнеполитической деятельности. Так, ограничения деятельности первых лиц государства за рубежом, включая президента России В. В. Путина, министра иностранных дел С. В. Лаврова и министра обороны С. К. Шойгу отчасти дискредитируют российские правительственные элиты и, соответственно, дипломатический статус государства в целом [22].

Однако, несмотря на теоретическую эффективность рассматриваемых мер, санкции преимущественно носят обратный инерционный характер. Активная санкционная деятельность администрации Дж. Байдена не находит поддержки во

всех сообществах как международной, так и эндогенной американской системы, а потенциальное снятие ограничения выглядит крайне проблематичным исходя из специфики их оформления в качестве законодательных актов, решение по которым могут выноситься исключительно Конгрессом США.

Также, данный внешнеполитический курс США определяет специфику восприятия национального бренда на территории России. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на протяжении последних восьми лет наблюдается устойчивая тенденция к преобладанию негативного отношения граждан Российской Федерации к США, что существенным образом дестабилизирует политику «мягкого» воздействия последних (рисунок 6).

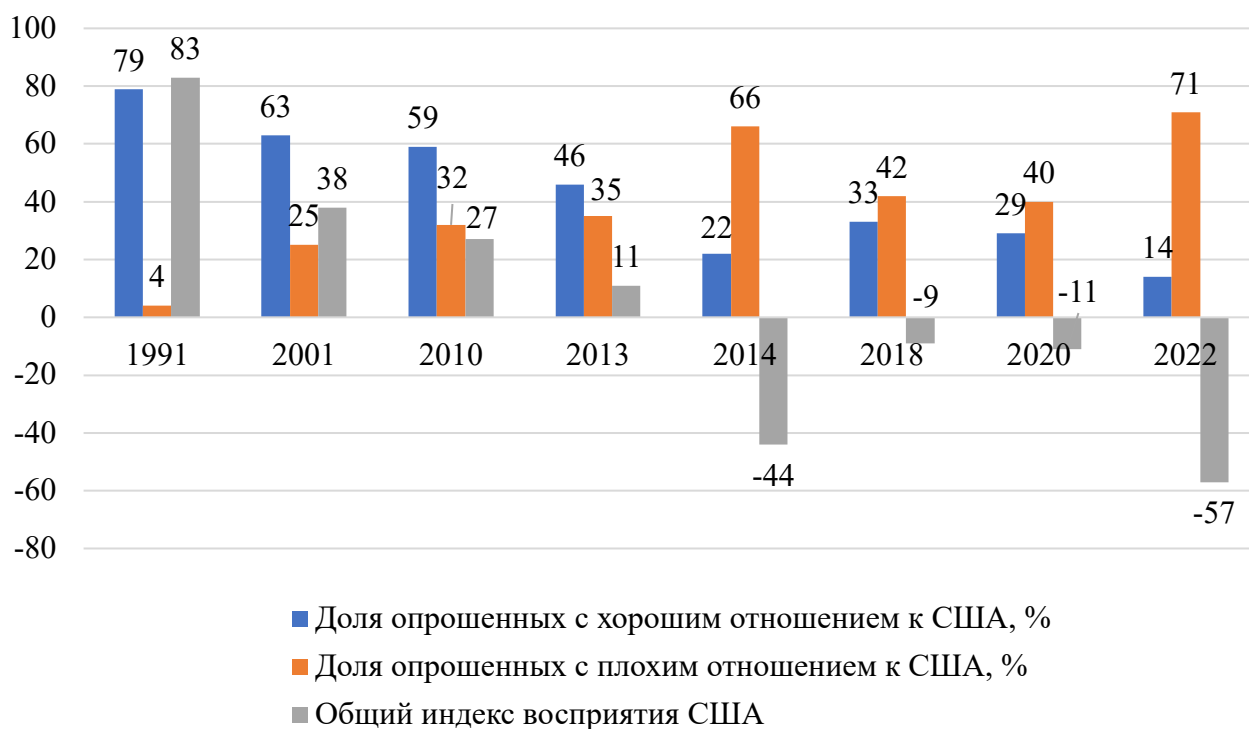

Рисунок 6 – Динамика индекса восприятия США гражданами Российской Федерации, ВЦИОМ, 1991–2022 гг. [13]

Таким образом, в течение анализируемого периода наблюдаются высокие темпы снижения положительного восприятия США и политики, проводимой данным актором, среди граждан Российской Федерации. Подобный имиджевый

провал репрезентует собой эффективность институтов мягкой силы рассматриваемого государства относительно российской системы на современном этапе.

Более того, данный кризис «мягкого» влияния обусловлен широким спектром внешнеполитических противоречий США в глобальном масштабе. Подобный спад непосредственным образом связан с деятельностью администрации 45-го президента США Д. Трампа, общий курс прогресса которой был во многом противопоставлен основным постулатам левоцентристской программы Демократической партии.

В частности, в период 2016–2020 гг. был сделан существенный акцент на силовой фактор внешнеполитической деятельности, что было в первую очередь отражено в повышении уровня финансирования военного бюджета США (рисунок 7).

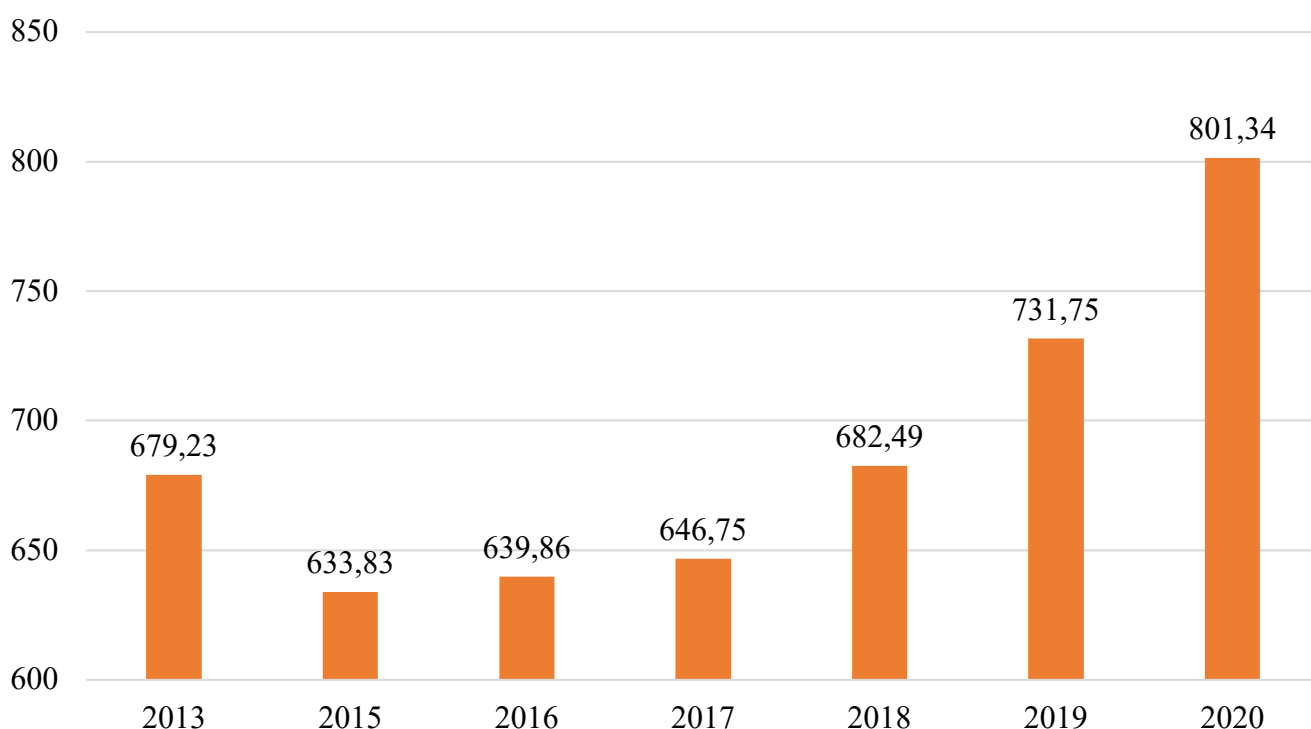

Рисунок 7 – Динамика военных расходов США, млрд долл. [44]

Стоит отметить, что подобная агрегация ресурсов и увеличение военных расходов (на 25,2 % за период деятельности администрации Д. Трампа) стали возможным благодаря изоляционистской внешней политики, которая также нанесла существенный урон статусу «мягкого» гегемона США. В целом, данный внешнеполитический вектор реализовывался посредством выхода из международных организаций, объединений и договоренностей, таких, как:

- Договор по открытому небу с Россией;
- Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности с Россией;
- ядерная сделка по Ирану (США вышли в 2018 г.);
- Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ);
- Совет ООН по правам человека;
- ЮНЕСКО;
- Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (*UNRWA*);
- Выход из Парижского соглашения;
- отказ от безусловного продления СНВ-III [43].

Более того, в период 2016–2020 гг. констатировалось существенное снижение уровня финансирования ООН в целом, а также высказывалась непосредственная критика деятельности Европы в рамках НАТО [39].

Результатом подобного внешнеполитического курса стало существенные имиджевые проблемы США. Так, согласно глобальному статистическому опросу американского исследовательского центра *Pew* в 2020 г. только 29 % опрошенных в 33 странах проявляли доверие к Д. Трампу и его администрации. Подобные показатели были сравнимы с результатами лидера КНР Си Цзиньпина [37].

Также, за период 2016–2020 гг. констатировалось существенное падение США в рамках британского индекса *Soft Power* 30, где государство не только потеряло лидирующие позиции, но и опустилось на пятое место [42].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что степень «мягкого» воздействия США на Российскую Федерацию в период 2015–2022 гг.

была существенно снижена относительно первых периодов функционирования «мягких» американских механизмов. Подобный спад был обусловлен как комплексной переориентацией внешнеполитического курса государства во время деятельности администрации Д. Трампа и акцент на силовых и изоляционистских аспектах, так и спецификой российско-американского взаимодействия и, в частности, реакции США на реализацию Россией текущего геополитического вектора.

Заключение

В результате выявления особенностей и роли мягкой силы во внешней политике США в условиях современной международной системы можно сделать вывод, что данный механизм представляет собой основу международной деятельности данного государства и, во многом, способствует сохранению актором лидирующих позиций в глобальном масштабе.

В первую очередь, необходимо отметить, что «мягкая» сила является независимым политическим инструментарием, коренным образом, отличающимся от специфики «жесткого» межакторного взаимодействия, реализуемого на милитаристской базе. Инструментарий двух «сил» отличается друг от друга, как по формам, так и по скорости и широте воздействия. Однако стоит отметить и то, что в современной политике заметно постепенное перемешивание двух подходов.

В настоящее время «мягкий» инструментарий характеризуется более высокой степенью актуальности, так как одна из главных целей внешней политики на современном этапе состоит в том, чтобы заставить другие страны принять политические цели как свои собственные. Программы мягкой силы часто могут повлиять на это без затрат – в людских ресурсах, оборудовании и боеприпасах – и враждебности, которую может вызвать военная мощь.

В результате рассмотрения непосредственно мягкой силы США можно заключить, что основная ответственность за использование американского инструментария в общении с аудиторией за рубежом лежит на профессионалах публичной дипломатии правительства США. В XXI в. они столкнулись с рядом

новых проблем при выполнении своих обязанностей. Наиболее масштабной проблемой стала цифровая революция в коммуникационных технологиях, которая сделала возможным появление широкого круга конкурирующих частных коммуникаторов, которые не всегда представляют положительные аспекты мягкой силы Америки. Зарубежная аудитория больше знает об Америке из источников, не связанных с *USG*, и часть этой информации носит негативный характер, а частное распространение американских культурных продуктов за рубежом не всегда создает положительный образ Америки. Поведение отдельных американских граждан, передаваемое социальными сетями, иногда неправильно понимается за границей. Между тем, другие события, такие как повышение требований безопасности в результате террористических атак и развитие коммуникаций Пентагона с иностранной аудиторией в мирное время, также осложнили усилия правительства США по максимальному использованию мягкой силы.

Также, после президентства Д. Трампа, публичная дипломатия США на Ближнем Востоке требует стратегического переосмысления для ее дальнейшей успешной реализации. В перспективе, публичная дипломатия США на Ближнем Востоке при администрации Дж. Байдена, сосредоточена на его региональной стабильности, что в свою очередь является основным интересом Соединенных Штатов в регионе. Относительно Ближнего Востока, администрация Дж. Байдена, вероятно, вносит серьезные изменения в политику предыдущей администрации. По состоянию на сегодняшний день, в регионе Ближнего Востока реализуется ряд программ американской публичной дипломатии.

В целом, резюмируя ближневосточное направление во внешней политике США, можно сделать вывод, что «мягкая» деятельность государства в регионе хоть и является приоритетным направлением во внешнеполитической концепции американцев, однако ее нельзя назвать в значительной успешной, сравнивая ее успех с подобным в Европе и некоторых Азиатских странах. Можно констатировать, что подобная неудача напрямую связана со сложностью подхода «мягкой» силы по отношению к Ближнему Востоку. Вероятно, что за свою не очень длинную жизнь концепция «мягкой» силы на именно на данном примере показывает, что не всегда

является универсальным и эффективным инструментом для достижения определенных внешнеполитических целей. Принимая во внимание данный факт, можно предположить, что для данного подхода необходима определенная «почва», состоящая из подходящих для установления влияния критериев, например, таких как религия, культура, этническая общность и исторические особенности развития.

В свою очередь, внедрение мягкой силы США в Россию имеет поэтапную градацию и осуществляется посредством широкого спектра механизмов и инструментов. В частности, анализируя первые периоды «мягкого» воздействия западного гегемона, стоит отметить, что в качестве ведущего инструментария реализации данного курса выступали институты внешней политики и системного прогресса, что было обусловлено закрытым характером советских структур на начальных этапах.

Степень «мягкого» воздействия США на Российскую Федерацию в период 2015–2022 гг. была существенно снижена относительно первых периодов функционирования «мягких» американских механизмов. Подобный спад был обусловлен как комплексной переориентацией внешнеполитического курса государства во время деятельности администрации Д. Трампа и акцент на силовых и изоляционистских аспектах, так и спецификой российско-американского взаимодействия.

Список использованных источников

- 1 Антюхова Е. А. Фактор образования в «Мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 86–98.
- 2 Великая А. А. Стратегическое консультирование и институциональное развитие в гуманитарной политике США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 293–312.
- 3 Ворочков А. П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 80–96.
- 4 Гриценко Р. А. Проблематика исследований мягкой силы как способа политического взаимодействия в культурно-философском контексте // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. № 3. С. 126–135.
- 5 Карпович О. Г., Шангараев Р. Н. Основные приоритеты стратегии национальной обороны США – 2022 // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 11. С. 26–39.
- 6 Коньков А. Е. Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. № 2. С. 205–221.
- 7 Кузнецов Н. М. Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. 2022. № 1. С. 146–151.
- 8 Макдоналдс в России // McDonald's. URL: <https://mcdonalds.ru/> (дата обращения: 5.05.2022).
- 9 Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2017. 221 с.
- 10 Пентегова А. В. Концепция «Мягкой силы» во внешней политике стран // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 2. С. 114–126.
- 11 Печатнов В. О., Маныкин А. С. История внешней политики США. М. : Международные отношения, 2012. 672 с.

- 12 Погорлецкий А. И. «Мягкая сила»: экономические оценки и перспективы, позиции Китая // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 6. С. 23–33.
- 13 Россияне об Америке: новый «ледниковый период»? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 21.05.2022).
- 14 Сенокосов Я. С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 303–312.
- 15 Смирнов В. А. Актуальные концепции достижения политического благополучия: трансформация концепта «мягкой силы» в современном научном дискурсе // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 1. С. 63–71.
- 16 Торосян В. Г., Держирученко Р. Н. Культура как «мягкая сила»: диапазон действий и потенциальные возможности // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 1. С. 7–13.
- 17 Федорова И. В. Современная публичная дипломатия США: проблемы и особенности развития // Манускрипт. 2020. № 6. С. 77–81.
- 18 Цыганов В. Е. Мягкая сила как инструмент формирования имиджа субъекта международных отношений // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. № 4. С. 29–32.
- 19 Шмидт С. Ф. Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. № 39. С. 22–36.
- 20 About NATO // U.S. Mission to NATO. URL: <https://nato.usmission.gov/> (дата обращения: 22.04.2022).
- 21 Amadi L. Globalization and the changing liberal international order: A review of the literature // Research in Globalization/ 2020. № 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100015> (дата обращения: 29.04.2022).
- 22 America.gov. URL: <http://www.america.gov/> (дата обращения: 25.05.2022).
- 23 Bakalov I. Whither soft power? Divisions, milestones, and prospects of a research program in the making // Journal of Political Power. 2019. № 12. P. 129–151.
- 24 Bayles M. Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad / Yale University Press: New Haven, 2019. URL:

<https://yalebooks.yale.edu/book/9780300123388/through-a-screen-darkly/> (дата обращения: 19.04.2022).

25 Contributions received for 2021 for the UN Regular Budget // The United Nations. URL: <https://www.un.org/en/ga/contributions/honourroll.shtml> (дата обращения: 16.05.2022).

26 Cultural goods, an economic driver in the digital age // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/news/cultural-goods-economic-driver-digital-age> (дата обращения: 16.05.2022).

27 Edwards B. T. After the American Century: The Ends of Culture in the Middle East // Columbia University Press: New York. URL: <http://cup.columbia.edu/book/after-the-american-century/9780231174015> (дата обращения: 16.05.2022).

28 Fortune 500 list of companies 2021 // Fortune. URL: <https://fortune.com/fortune500/2021/search/> (дата обращения: 14.05.2022).

29 Marshall Plan (1948) // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/marshall-plan> (дата обращения: 8.05.2022).

30 North Atlantic Treaty Organization (NATO), 1949 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/nato> (дата обращения: 05.05.2022).

31 Nye J. S. American Democracy and Soft Power // Project Syndicate. 2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/american-democracy-and-soft-power-by-joseph-s-nye-2021-11> (дата обращения: 13.05.2022).

32 Nye J. S. Soft Power and Morals in U.S. Foreign Policy // Sasakwa US. 2021. № 1. URL: <https://spfusa.org/research/soft-power-and-morals-in-u-s-foreign-policy/> (дата обращения: 01.05.2022).

33 Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. № 1. P. 2–11.

34 Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / New York: Public Affairs Group, 2020. 190 p.

35 Nye J. S. The Future of Power. N.Y. : Public Affairs, 2018. 319 p.

36 Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2019. 241 p.

37 Presidential Approval // Pew Research Center. URL: [https:// www.pewresearch.org/topic/politics-policy/leaders/presidential-approval/](https://www.pewresearch.org/topic/politics-policy/leaders/presidential-approval/) (дата обращения: 23.04.2022).

38 The U.S. Record 2004-2005 // State.gov. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl-rls/shrd/2004/index.htm> (дата обращения: 16.05.2022).

39 The UN Budget // Better World Campaign. URL: [https:// betterworld-campaign.org/resources/briefing-book-2022/united-nations-budget](https://betterworld-campaign.org/resources/briefing-book-2022/united-nations-budget) (дата обращения: 13.04.2022).

40 Trunkos J. Comparing Russian, Chinese and American Soft Power Use: A New Approach // Global Society. 2020. № 3. URL: <https://www.researchgate.net/publication/346987500> (дата обращения: 01.05.2022).

41 U.S. Foreign Assistance by Country // Foreign Assistance. URL: [https:// foreign-assistance.gov/cd](https://foreign-assistance.gov/cd) (дата обращения: 20.04.2022).

42 United States // Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/country/united-states/> (дата обращения: 12.04.2022).

43 United States Treaties and Other International Agreements // Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/collections/united-states-treaties-and-other-international-agreements/about-this-collection/> (дата обращения: 14.05.2022).

44 US Military Spending/Defense Budget 1960–2022 // Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/USA/united-states/military-spending-defense-budget> (дата обращения: 17.04.2022).

45 World Trade Statistical Review 2021 // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts21_toc_e.htm (дата обращения: 14.05.2022).